

Псковский государственный университет
Факультет русской филологии и иностранных языков

И.В. Мотеюнайте

**Современная литература и современная школа:
точки пересечения**

Учебно-методическое пособие

Псков

2016

УДК 82.02/.09

ББК

Пособие подготовлено в рамках мероприятия ФЦП «Русский язык» на 2016 – 2020 гг. (соглашение между Минобрнауки РФ и Администрацией Псковской области № 08. G27.24.07)

Рецензенты: д.ф.н., проф. А.Г. Разумовская (Псков),
к.ф.н., доц. И.Н. Минеева (Петрозаводск)

Мотеюнайте И.В. Современная литература и современная школа: точки пересечения. Учебно-методическое пособие. Псков: Издательство ПсковГУ, 2016. 50 С. ISBN978-5-91116-496-6

Данное учебно-методическое пособие посвящено литературному образованию школьников в области современной литературы. Предложены различные формы и способы ознакомления учащихся с произведениями современных авторов, а также с новыми явлениями литературного процесса на уроках по литературе, на школьных олимпиадах и во внеурочной работе. Материал пособия поможет также в организации проектной деятельности учащихся и при подготовке школьных мероприятий, посвященных литературному образованию.

Пособие адресовано учителям-словесникам, студентам филологических и педагогических вузов, а также всем интересующимся современной литературой.

ISBN978-5-91116-496-6

© И.В. Мотеюнайте

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

**Глава 1. Продолжение традиций: современная литература
о социальных проблемах**

**§ 1. Человеческая боль: о жизни людей
с ограниченными возможностями**

Методические рекомендации

Литература

§ 2. Деревенская тема.

Методические рекомендации

Литература

§ 3 Военная тема

Литература

Глава 2. Олимпиада по литературе

Примеры олимпиадных заданий

с использованием произведений второй половины XXвека:

Примеры произведений для комплексного анализ текста

**Глава 3. Новые формы и механизмы существования литературы:
Современная литература на Сетевых ресурсах**

Методические рекомендации

Список рекомендуемых произведений для внеклассного чтения

Заключение

Введение

Вопрос о включении современной литературы в школьную программу по литературе – один из самых дискуссионных. Он обсуждается особенно активно в последние десятилетия из-за ограничения часов на этот предмет и увеличение объема материала. Достаточно полно и аргументированно полемика по этому вопросу была представлена уже полтора десятка лет назад в «Новом мире»¹. Примечательно, что в ней приняли участие редакторы самых уважаемых изданий: журнала «Новый мир» (Андрей Василевский) и газеты «Литература» (Мария Сетюкова-Кузнецова, заместитель главного редактора еженедельника «Литература» (приложения к газете «Первое сентября»). Обеспокоенность о своем будущем активных участников современного литературного процесса понятна: исключение современных авторов из школьного обучения чревато тем, что у школьников сформируется представление об отсутствии литературы сегодня. Полный отрыв школы от сегодняшнего литературного процесса опасен. Если не напоминать о произведениях сегодняшнего дня, то покажется, что литература осталась в далеком прошлом. По опыту можно сказать, что эти опасения небезосновательны. К сожалению, вопрос «А что, разве сегодня тоже есть писатели?» довольно часто можно слышать не только от школьников, но и от первокурсников.

Поэтому трудно переоценить попытки научно-методического сообщества исправлять ситуацию. Создаются учебники и пособия², программы элективных курсов³, обосновываются принципы включения произведений современной литературы в школьную программу. Регулярно публикуются материалы о современной литературе в учебно-методическом журнале «Литература в школе», а также в «Литературе», еженедельной газете объединения педагогических изданий «Первое сентября». Концептуально и убедительно проблема изучения современной литературы в школе рассмотрена в статье «Современная литература в школе XXI века» Б.А. Ланина, заведующего лабораторией литературного образования Института содержания и методов обучения РАО⁴.

Как бы ни сложились обстоятельства с программами, часами и читательской мотивацией школьников, думается, что из учительской практики невозможно исключить цель ознакомления школьников с современной литературой. Ее по разным причинам вряд ли стоит изучать так же пристально, как и классику, но информировать о ее существовании учитель должен. Хотя бы для того, чтобы не дискредитировать в глазах школьников достижения великой классической литературы: культурные традиции не прерываются, достижения классиков по сей день востребованы их собратьями по перу, а литературное образование – и сегодня одна из составляющих общей культуры человека.

¹«...и моя точка зрения имеет право на существование» // Новый мир. 2001. № 8. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/8/pocht.html

²«...Чему-нибудь и как-нибудь...»: современная русская литература в средней школе Русская литература XX века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений в двух частях. Часть 2. В. В. Агеносов и др. Под редакцией В. В. Агеносова. 6-е изд. М., «Дрофа», 2001; Русская литература XX века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений в двух частях. Часть 2. Под редакцией В. П. Журавлева. 6-е изд. М., «Просвещение», 2001; Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. Современная русская литература. В 3-х книгах. Книга 3. В конце века (1986 — 1990-е годы). Учебное пособие. М., «Эдиториал УРСС», 2001. И. С. Скоропанова. Русская постмодернистская литература. Учебное пособие. 2-е испр. изд. М., «Флинта», 2000; П. Э. Лион, Н. М. Лохова. Литература. Для школьников старших классов и поступающих в вузы. Учебное пособие. 2-е изд. М., «Дрофа», 2000.

³Ланин Б.А. Современная русская литература: Программа элективного курса для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2004.

⁴Ланин Б.А. Современная литература в школе XXI века. Режим доступа: http://www.pmedu.ru/res/2010_5_9.pdf

В предлагаемом пособии высказаны соображения о точках пересечения современной школы и современной литературы; даны рекомендации о способах ознакомления учащихся обычных, а не только специализированных школ с современной литературой и приведены некоторые материалы для ее популяризации. При этом учитывается, что работа по литературному образованию проводится в разных формах. В-первых, на уроках в рамках изучения классики возможны сравнения с произведениями сегодняшнего дня, а также упоминания современных авторов и произведений для создания культурного контекста. Этому посвящена первая глава. Во-вторых, с современной литературой школьник может встретиться во внеурочное время на олимпиадах по литературе, в кружках и на факультативах. Ситуациям, когда возможно внимательное чтение современной литературы, посвящена вторая глава, которая называется «Олимпиада по литературе». Наконец, последняя глава касается современных форм существования и механизмов развития литературы. Ее материалы могут помочь учителю при подготовке школьных мероприятий, при организации проектной деятельности школьников.

Совершенно необходимое знакомство учащихся с современной поэзией требует отдельного и большого разговора, которому будет посвящено следующее пособие.

Глава 1. Продолжение традиций: современная литература о социальных проблемах

§ 1. Человеческая боль: о жизни людей с ограниченными возможностями

Традиционно русская литература касается человеческой боли во всех смыслах этого слова. Одна из важных проблем, активно осваиваемых современной культурой, стала жизнь человека с ограниченными возможностями. Литература отреагировала на нее довольно быстро. Очень популярной в последнее десятилетие была книга *«Дом, в котором»* (2009) Мариам Петросян. Она продолжила тему, открытую романом Г. Гальеги – *«Черным по белому»*. В этих романах говорится об инвалидах, которые полноценно живут и даже ощущают себя героями. Эта тема нова для русского читателя, и литература ухватила из воздуха эпохи актуальное, важное именно сейчас. В более доступной широкому читателю форме, чем прекрасное произведение Саши Соколова *«Школа для дураков»* эти книги объясняют читателю мир человека-инвалида, показывая и его жизнь, и его сознание. Роман Мариам Петросян *«Дом в котором»* несколько лет держался в топ-листах популярного чтения и читался многими молодыми людьми. Однако в силу большого объема текста, вероятно, со школьниками легче обсудить другое произведение на эту же тему – роман Рубена Гонсалеса Гальеги *«Белое на черном»*. В журнальном варианте произведение называлось *«Черным по белому»*. Таким броским заглавием автор словно утверждал, насколько ясна и проста мысль о том, что инвалидностью не заканчивается жизнь. Однако при всей очевидности, этот вывод нелегко проникает в массовое сознание и призван сломить многие стереотипы, сложившиеся при прошлой практике отношения к инвалидам.

Небольшой объем текста, ясность языка и жизнеутверждающий пафос книги делает ее очень удобной для разговора со школьниками как о самой этой социальной проблеме, так и о границах литературы в целом.

Методические рекомендации.

Материалы для обсуждения романа «Белое на черном».

СМИ о вручении премии Русский Букер роману Гальеги. Что выделяют корреспонденты в премированном романе как первостепенно значимое?

Букеровская премия вручена испанцу

"Триумф духа над костной материей", – сказал вчера по телевизору председатель премиального жюри Яков Гордин. Слова, которые могут показаться высокопарными, в отношении лауреата Букера 2003-го года конкретно означают вот что: даже карандаш Рубен держать не может. Столь обделенного судьбой писателя, кажется, еще не было в мире.

Книга Рубена точна и строга. Техника записи – два пальца. Но работает он свою литературу мысленно, и это там в подтексте. Поистине дзенская самодисциплина. Чего нет и в помине, так это цинизма, мизантропии, нагромождений пережитых ужасов. Те, кто отшатаются от этой книги, как от априорной трагедии, должны знать, что у этого, можно сказать, Солженицына 10-миллионного мира российских инвалидов есть острый интерес к ближним, униженным, конечно, конечно, оскорбленным. Есть сострадание, наивность, трепет и любовь.

Сергей Юрьенен, "Радио Свобода"

Русский "Букер" вручили испанцу

– Я предвижу разговоры о том, что наш выбор – это политкорректность: мол, роман написал инвалид и так далее, но "Белое на черном" действительно хорошо

написанная вещь. Это воскрешение человека через мощное интеллектуальное усилие, победа духа над материей, – объяснил председатель жюри Яков Гордин, писатель и главный редактор журнала "Звезда". Однако раскрыть секрет, кто из членов жюри за какого писателя отдал свой голос, он не пожелал, так как это "интимное". Рассказал только, что роман испанца победил с перевесом в один голос: трое проголосовали "за", двое – "против". В жюри в этом году вошли критик Ирина Роднянская, поэт и издатель Максим Амелин, критик Николай Александров и пианист Николай Петров. Им пришлось выбирать лучшее из шести произведений, попавших в шорт-лист: романов "Вилла Рено" Натальи Галкиной, "Юпитер" Леонида Зорина, "Фрау Шрам" Афанасия Мамедова, "Лавра" Елены Чижовой, "Казароза" Леонида Юзефовича и, собственно, "Белое на черном" Гонсалеса Гальего. Впрочем, конкуренты лауреата тоже не остались внакладе: все финалисты получили по тысяче долларов.

Екатерина Тумина, "Столичная вечерняя газета"

Не сломаться

Рубен Давид Гонсалес Гальего – сын венесуэльца и испанки. Его дед был генеральным секретарем испанской компартии. Мать училась в Московском университете. Его будущее было светлым и безоблачным. Но жизнь оказалась больше похожей на сюжет страшной сказки, которой надо на ночь пугать непослушного ребенка. Впрочем, на этот сюжет еще можно предоставить копирайт Александрю Дюма – столько в жизни Гальего почти невероятных, невозможных, невыносимых для одного человека перипетий и коллизий: смерть брата-близнеца, его собственный приговор – ДЦП, разлучение с матерью (ей было объявлено, что он умер), ставшей пешкой в политических играх коммунистических партий разных стран, жизнь в детском доме, выбор между жизнью и смертью, причем смерть, как всегда, а в его случае особенно, казалась самым простым выходом, два брака, встреча с матерью через тридцать лет, "возвращение" в Испанию, роман.

"Я – герой. Быть героем легко. Если у тебя нет рук или ног – ты герой или покойник. Если у тебя нет родителей – надейся на свои руки и ноги. И будь героем. Если у тебя нет ни рук, ни ног, а ты к тому же ухитрился появиться на свет сиротой – все. Ты обречен быть героем до конца своих дней. Или сдохнуть. Я герой. У меня просто нет другого выхода".

Сентенции в литературных произведениях – дело не просто обычное, но сильно любимое большинством творцов (с античности до наших дней), которым мало простого развития сюжета, это нехитрое занятие они оставляют представителям массовой литературы. Для серьезности требуются осмысление, одухотворенность и пара-тройка философских мыслей, которые, глядишь, то ли войдут в списки афоризмов, то ли пойдут на повышение – к жизненной мудрости. У кого-то они становятся естественной частью текстового материала. У некоторых выглядят дешевой подделкой той самой жизненной мудрости. Роман Рубена Давида Гонсалеса Гальего набит ими под завязку. Только вот у него они плоть от плоти его жизни, принятые когда-то решения, своего рода вехи его собственной истории – тяжелой, страшной, но, как ни странно, легкой: эта история дает надежду тем, кто давно перестал верить в такое эфемерное понятие, как *happend*, оставив его голливудским киностудиям.

Роман "Белое на черном" ("Лимбус-Пресс") – это та самая история, которая вкратце изложена в предыдущих строках, но развернутая в деталях. Обычно подробности убивают впечатление. Но не в этом случае. "Белое на черном" написано так жестко, так интенсивно, ярко, емко, с такой беспощадной даже не честностью, а скорее с безразличием к ужасу благополучного читателя. И безразличие это – не от жестокости. Просто жизнь такая.

Когда этот роман оказался в списке финалистов, то многие литературные критики заговорили о том, было ли это правильным: автобиография не есть литература. Смотря как написать.

Роман "Белое на черном" при всем его соответствии правде жизни еще и настоящее произведение искусства. Здесь нет места слезам, сантиментам и вздохам, так же как и особому публицистическому накалу. Да, это просто запись жизни, данная спокойно, почти отстраненно и в то же время завораживающе. Но написанная по всем правилам и по-настоящему талантливо: энергетика текста, его ритм, стиль безупречны. Даже если "Белое на черном" не получит в итоге большой приз, а его автор никогда больше не напишет ни одной строчки, он навсегда останется в истории литературы, так же как и просто в истории...

Анна Ковалева, "Известия"

Русская одиссея испанского детдомовца

...В написанных им двумя пальцами левой руки коротких, обычно меньше чем на страницу, фрагментах невероятно продуманной для автобиографии прозы поражают прежде всего дикие реалии бесконечной борьбы за существование. От нянечек, из лени обрекающих инвалидов на часовые путешествия в туалет ползком по ледяным кафельным полам, до постоянно стоящего перед каждым "неходячим" призрака персонального ада под названием "дом для престарелых в пятнадцать лет" (а там, кроме всего прочего, карлица на ручке двери повесилась). С другой стороны, удивительно и то, сколько в этом безнадежном мире осталось несломленных душ, добрых людей и "хороших детских домов". Недаром у этой книги (неясно, можно ли называть ее романом или вообще произведением художественной литературы, – это, пожалуй, главный аргумент противников награждения Гальего) было два названия: "Черным по белому" в журнальном варианте и "Белое на черном" – в книжном. Как хочешь, так и читай. Так или иначе, Рубен Гальего выжил, вырос, получил образование, родил двух дочерей от двух браков, написал автобиографию и получил за нее "Букера". После его книги все кажется необъяснимым чудом – кроме получения "Букера".

Петр Фаворов, "Ведомости"

Счастливое избавление

Несмотря на многочисленные мрачные прогнозы, в последний момент букеровскому жюри все же удалось достойно вырваться из безвыходной, казалось бы, ситуации, в которую оно само себя поставило двумя месяцами раньше. Проиgnорировав практически все лучшие тексты минувшего года (некоторые из которых, в частности мощный дебютный роман Алексея Иванова "Сердце Пармы", были сняты с дистанции еще на этапе формирования лонг-листа), жюри под руководством питерского прозаика Якова Гордина породило беспрецедентный по своей блеклости шорт-лист, вызвав тем самым недовольство в максимально удаленных друг от друга слоях литературного сообщества.

...жюри сумело грамотно оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Жанровое соответствие было принесено в жертву соображениям высшего порядка, и к огромному облегчению всех собравшихся премия была присуждена Рубену Гонсалесу – веселому и мужественному человеку, создавшему текст страшный и мучительный, но в то же время исключительно светлый и оптимистичный. Впрочем, по слухам, решение это далось членам жюри нелегко и было принято под изрядным давлением со стороны Ирины Ясиной – прикомандированного к букеровскому оргкомитету представителя спонсора, общественной организации "Открытая Россия". Если это так – честь ей и хвала. Страхи оказались напрасны: опозориться Букеру на этот раз не удалось.

Галина Юзефович, "Еженедельный журнал"

Похвальное слово букеровскому жюри

...хочется порассуждать о правоте букеровского жюри и отметить его похвальное мужество. Итак, вечером 4 декабря на пресс-конференции в гостинице "Золотое кольцо" было оглашено имя нового лауреата премии "Букер – Открытая Россия". Им стал Рубен Давид Гонсалес Гальего с книгой "Белое на черном" (в журнальном варианте - "Черным по белому").

..несмотря на очевидную формальную небесспорность, выбор жюри представляется стопроцентным попаданием, каковыми двенадцатилетняя история русского Букера отнюдь не изобилует. Судьи продемонстрировали удивительное искусство сначала загнать себя в угол, а потом достойно выйти из сложившейся ситуации. Ведь не пропустив в шорт-лист лучший роман года - "Орфографию" Дмитрия Быкова - они, казалось, лишили букеровский финал всякой интриги. В результате в короткий список вошли хороший, но имеющий мало отношения к "серьезной" литературе детектив, три средних романа и один очень плохой. Плюс Гальего. И единственный вопрос был в том, решатся ли члены жюри признать, что беллетристического произведения, достойного награждения, в шорт-листе нет. Решатся ли вслух произнести достаточно очевидное: художественные достоинства документального романа Гальего выше, чем художественные достоинства всех его соседей по шорт-листу. Решились. Признали. Произнесли. Можно представить, как им было непросто. Молодцы.

Михаил Эдельштейн, "Русский журнал"

«Мне хотелось, чтобы победила книга, которая обещала занять в литературе совершенно особое место не на один лишь год, а на годы...

За пределы художественной литературы практически вывел книгу Андрей Немзер, отнесший ее к разряду нон-фикшн и скупое заметивший, что «автобиографическое повествование инвалида детства, перенесшего разлуку с матерью и ад советских детдомов, привлекло жюри незаурядным мужеством автора». Других достоинств, кроме мужества, критик у автора не обнаружил. Мнение о том, что книга Гальего — это человеческий документ, сила которого в достоверности, часто разделяют даже те, кто принял ее с восторженным сочувствием. Меж тем впечатление безыскусности прозы Гонсалеса Гальего достигается не литературной неискушенностью автора, но чувством формы и чувством слова, которыми он прекрасно владеет.

Почему же эту книгу читали как откровение? Да потому, что автор нашел художественный язык, адекватный материалу. Это не значит, что биография писателя не имеет значения для восприятия текста. Имеет, и очень большое. В литературе такое случается нередко. «Записки из Мертвого дома» произвели на читающую публику особое впечатление именно потому, что рассматривались в свете судьбы самого автора. «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, «Колымские рассказы» Шаламова не могли быть созданы без соответствующего лагерного опыта писателей. Но такой опыт имели многие, и их рассказы легли в гигантскую папку свидетельских показаний, не став литературой. Эффект свидетельских показаний Гонсалеса Гальего заключается именно в том, что это — литература».

Алла Латынина «Новый мир»

Вопросы для обсуждения:

1. Многие исследователи автобиографической прозы «пытались представить ее бесхитростной, слишком «естественной» для того, чтобы по праву считаться искусством, едва ли не примитивной» (Дубин Б. Как сделано литературное «я» // Дубин Б. Классика, после и рядом. М.: НЛЮ, 2010. С. 144-145.) Подтверждается ли это мнение исследователей автобиографической прозы вашим впечатлением от романа Гальего?

2. Анна Андерсен утверждала, что «Книга Рубена Гальего абсолютно автобиографична, каждая история в ней реальна... «Белое на черном» можно было бы

назвать документальным произведением и завести по его материалам сто девяносто-двадцать уголовных дел, *если бы не миропонимание его автора*». Объясните, почему яркая выраженность авторской позиции превращает книгу в литературу.

3. В жанровом отношении произведение Гальего определялось по-разному: «автобиографическая книга на русском языке», «бесхитрый и страшный рассказ о жизни отказного ребёнка-инвалида», «книга новелл» «документальное произведение». Но букеровская премия присуждена роману «Белое на черном». Согласны ли вы с таким определением жанра?

4. Информативность и актуальность – важные жанровые характеристики романа, отвечает ли им произведение Гальего?

5. Согласны ли вы с мнением критика о том, что «Книга не блещет художественными достоинствами, в ней отсутствуют описания природы».

Обратим внимание на то, что в 2015 году при обсуждении вручения Нобелевской премии Светлане Алексиевич также возникал вопрос о «художественности» ее книг. Формулировка Нобелевского комитета была такова: «Используя свой уникальный творческий метод — тщательно составленный коллаж человеческих голосов — Алексиевич углубляет наше понимание всей эпохи». Несмотря на противоречивость критических откликов на это событие, которые, к сожалению, в основном, обсуждали политическую позицию С. Алексиевич, своеобразие ее книг вполне отвечает лучшим традициям русской литературы. Андрей Архангельский назвал выбор Нобелевского комитета «сверчуткостью», поскольку «это прежде всего гуманистический сигнал миру»⁵. «Всю свою писательскую жизнь Алексиевич занималась человеком несчастным. Она профессионально занималась человеческим горем, ужасом человеческого существования — не вообще, а именно ужасом существования человека при конкретном политическом строе. Она занималась людьми именно как жертвами авторитарных режимов и войн. Она не отворачивалась от человеческого горя, а шла прямо к нему — и говорила, говорила с жертвами. Все ее книги — это исповеди, свидетельства больных, измученных, страдающих, изнасилованных, проклятых, несчастных людей. Алексиевич говорила о вещах столь страшных и мучительных — о войнах, смертях, потерях, распадах, что сама мысль о том, чтобы это было еще и «гладко» или «концептуально», казалась кощунственной. Чего стоит хотя бы вот эта мысль — из «Времени секунд-хенд»: русский человек много страдал, но у него никак не получается конвертировать это страдание в свободу.

Она обнаружила ... тщательную работу над человечностью, работу по преодолению равнодушия, цинизма, неприятия другого. Можно сказать, что Алексиевич конвертировала свой печальный опыт знакомства с бесчеловечностью в сознательный гуманизм — как художественную и этическую позицию. Гуманизм — определяющее в ее писательской и гражданской позиции понятие».

Более конкретно связал поэтику Алексиевич с эстетическими поисками прошедшего столетия Д. Быков: «... я не стал бы отрицать и большого авангардного вклада Адамовича и его лучшей ученицы Алексиевич в развитие прозы. Ведь эта белорусская традиция, которую Адамович называл «традицией сверхлитературы» — это и художественно очень интересно. Это полифония, такой мощный трагический хор разных голосов, где автор практически убирает себя из книги. Потому что он дает выговориться участникам. Адамович справедливо считал, что писать художественную прозу о кошмарах двадцатого века — кощунственно. Тут нельзя выдумывать. Тут надо давать правду, как она есть. И в этом смысле сверхлитература — литература, которая состоит из вот этих кровотокающих действительно содранной кожи и людских свидетельств — она

5 Архангельский А. Светлана Алексиевич: сознательный гуманизм. Режим доступа: <http://lipetsk.ru/content/articles/63002>

требует от писателя огромного мужества и очень большого смирения. Абсолютно убрать собственный голос и дать говорить истории. В этом смысле вклад Алексиевич очень серьезен»⁶ В других своих интервью Быков называет традиции, которым наследует Алексиевич в своей поэтике: «Такие люди, как Третьяков, Брик, тот же Маяковский, выступали теоретиками новой литературы, литературы факта. Это требует от писателя очень серьезных добродетелей. Это умение находить, слушать, документально воспроизводить так, чтобы была слышна интонация. [...] Эта техника коллажная, и она, конечно, требует очень серьезного аналитического ума»⁷. «Светлана Алексиевич продолжает традиции передовой русской литературы и журналистики, традиции Короленко, традиции журналистского расследования, полифонического эпоса», – отметил писатель⁸.

Литература:

1. Архангельский А. Светлана Алексиевич: сознательный гуманизм. Режим доступа: <http://lipetsk.ru/content/articles/63002>
2. Латынина А. Воля к жизни и воля к смерти // Новый мир. 2003. № 12.
3. Ремизова М. Первое лицо главного героя // Континент. 2003. № 116.
4. Юрьенен С. Вступление к роману Р.Д.Г. Гальего «Черным по белому» // Иностранная литература. 2002. №1.

§ 2. Деревенская тема.

Не менее важно, что современная русская литература продолжает конкретные национально специфические темы. Во-первых, жизнь деревни. Трагическая история деревни в прошлом столетии воссоздана Ф. Абрамовым, А. Солженицыным, В. Тендряковым, В. Беловым, В. Распутиным, В. Шукшиным и другими. Они описали коллективизацию и раскулачивание, нищету колхозников и три волны их миграции в город. В результате читатель хорошо представляет, как опустела деревня, ослабело сельское хозяйство, но из жизни не ушли важные составляющие национальной культуры, причем как деревни, так и города: терпение и трудолюбие, потребность в семье, доброта и снисходительность к слабому, понимание природы. Все это выразительно и подробно описано и осмыслено в произведениях многих писателей-деревенщиков.

Что касается литературы сегодняшнего дня, об освоении ею деревенской темы критики пишут по-разному, сходясь, однако, в том, что эта тема не ушла. Иногда она понимается даже чрезмерно расширительно. В частности, И. Иванова в статье «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка?»⁹ включает в состав сегодняшней деревенской прозы все произведения на сельскую тему и «*Ладу, или Радость*» Т. Кибирова, «*Позор и чистоту*» Т. Москвиной, «*Елтышевых*» Р. Сенчина, «*Псоглавцев*» Алексея Иванова. Однако более правомерно, кажется, указать продолжением этой большой для нашей страны темы рассказы Б. Екимова о жителях задонских хуторов в 1990-е и роман Андрея Дмитриева «*Крестьянин и тинейджер*» (2012), в котором автор пытается найти в современности точки пересечения между традиционной культурой деревни и существованием молодежи в мегаполисе. Ярким примером продолжения темы стал и роман Гузель Яхиной «*Зулейха*

⁶"Эхо Москвы", 8 октября 2015 года. Режим доступа: <http://top-50.ru/posts/1180069-cd77c05058dab25278aae44ec94022b0>

⁷"ВВС. Русская служба", 8 октября 2015 года. Режим доступа: <http://top-50.ru/posts/1180069-cd77c05058dab25278aae44ec94022b0>

⁸"ТАСС", 8 октября 2015 года. Режим доступа: <http://top-50.ru/posts/1180069-cd77c05058dab25278aae44ec94022b0>

⁹ Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов). 2013. № 6(24). Часть 1. С. 88–94

открывает глаза», получивший в 2015 году две престижные литературные премии: «Ясная поляна» и «Большая книга». В своем дебютном романе автор не только воспроизводит хорошо известные русскому читателю трагические события раскулачивания и репрессий, но и показывает эмансипацию татарской женщины, используя национальную мифологию и фольклор. Материалом для этого романа послужили семейные предания, и этот факт делает произведение более убедительным для современного школьника.

Не менее показателен выход книги Романа Сенчина *«Зона затопления»*, прямо отсылающий к *«Прощанию с Матерой»* В. Распутина. Аналогичная описанной Распутиным ситуация сложилась в Сибири уже в наши дни: в основу романа Сенчина положено достраивание Богучанской ГЭС, возведение которой началось одновременно с БАМом. Интересно не столько совпадение обстоятельств в стране с промежутком в полвека, сколько схожесть авторского пафоса в книгах, разделенных столь долгим промежутком времени. Сенчин еще в большей степени, чем Распутин акцентирует негативные последствия прогресса и призывает сочувствовать людям, оказавшимся игрушками в руках монополистического режима.

Методические рекомендации.

1. «Крестьянская тема» в литературе обязательно обсуждается при изучении А.Н. Радищева, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.И. Солженицына. Упоминание о современных авторах во время разговора о классических произведениях, а также, возможно, краткая информация о них, позволит показать школьникам непрерывность этой литературной традиции. Соответствующая презентация создаст необходимый фон и культурный контекст для восприятия «Путешествия из Петербурга в Москву», «Кому на Руси жить хорошо» или «Записок охотника», а тем более «Матренина двора» или «Прощания с Матерой». В этом контексте достойны упоминания, кроме названных выше, повести Валентина Распутина *«Деньги для Марии»*, *«Изба»*, рассказы Бориса Екимова *«Фетисыч»*, *«Проснётся день»*, *«Возвращение»*, *«Высшая мера»*, *«Наш старый дом»*, *«Мишка»*, *«На хуторе»*, *«Тюрин»*; книги рассказов Александра Кирова *«Митина ноша»* (Архангельск, 2009) и Станислава Мишнева *«Ангелы всегда босые»* (Вологда, 2012).

2. В приведенном ниже размышлении Станислава Мишнева выражена странная для сегодняшнего дня мысль о большей важности прошлого, чем будущего. Предложите ученикам поразмышлять о причинах подобного восприятия жизни и его исторических истоках: «В уходящем дне всегда есть что-то печальное, влекущее и чарующее, незаконченное, незавершенное, иконописное. Стою на росстани на краю поля – дорога на две руки... За спиной моя бедная, разоренная деревня... мои глаза становятся острыми и, словно впиваясь то в мелькнувший вдалеке свет, то в пролетающего жука, силятся на всю оставшуюся жизнь запомнить все, взять с собой все. Я жадный – все!.. В обмен на будущее – непознанное и светлое, забрать омытое слезами отжившее, лукавое и проклятое настоящее.

В эту минуту душа переполнена особым чувством, нотой искреннего удовлетворения, любви к своей униженной России, и название этому – Вечность».

Литература:

1. Быков Д. Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М., 2013.
2. Ковтун Н. «Деревенская проза» в зеркале утопий. Новосибирск, 2009.
3. Кучерская М. Лауреат премии за лучший роман года – Андрей Дмитриев: И крестьян любить умеют // Ведомости. № 3246. 06.12.2012 Режим доступа:

http://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/06/i_krestyan_lyubit_umeyut#/ixzz2EGouLwB2 (дата обращения: 15.05.2015).

4. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004.
5. Славникова О. Деревенская проза ледникового периода // Новый мир. 1999. № 2.
6. Собрание рецензий на роман А. Дмитриева «Крестьянин и тинэйджер». Сайт Издательства «Время». Режим доступа: <http://books.vremya.ru/authors/26-dmitriev-andrej-viktorovich.html>

§ 3 Военная тема

Вторая исторически конкретная тема – тема войны – оказывается даже более востребованной, чем деревенская. Сейчас прошедших войну писателей практически не осталось; успели состариться и дети войны (в марте 2015 года ушел от нас В. Распутин, 1937 г.р.). То есть биографическая основа для этой темы практически на исходе. Но сама тема не ушла. Она присутствует во всех разновидностях современной литературы: художественной и документальной, в реалистической и в постмодернистской, в прозе и в стихах. Совсем недавно вышел роман старейшего русского писателя Д. Гранина *«Мой лейтенант»* (2011), а в 2014 г. издана книга поэта П. Барсковой *«Живые картины»*, где опубликована проза этого автора и пьеса, название которой дало название книге. Детство и юность писательницы пришлись на конец прошлого века, но ее воспоминания и исследование ленинградской литературной среды пронизаны памятью о блокаде.

Показательно отражение темы войны в произведениях массовой культуры «о попаданцах». Популярный сегодня жанр «псевдоистории» использует одну ситуацию: из нашего времени герои попадают в другую эпоху и, пройдя ряд испытаний, меняют ход истории. Авторы показывают, что было бы, если..., как тогда повернулась бы история нашей страны и всего мира. Так вот эпоха, куда попадают герои из нашего времени – это очень часто Вторая мировая война. Благодаря экранизации Андрея Малюкова наиболее известное произведение здесь – *«Мы из будущего»* А. Шевцова. Однако этот сюжет использован и многими другими: А. Баренбергом (*«Первым делом самолеты»*), Е. Буркатовским (*«Вчера будет война»*), В. Кононюком (*«Я меч, я пламя»*), М. Гуткиным (*«Порученец Жукова»*), А. Ивакиным (*«Мы погибнем вчера»*); ряд можно продолжить.

Произведения о войне будут появляться столько, сколько будут войны, в этом сказывается естественная реакция человека, пережившего трагедию. Целые пласты современной литературы посвящены Афганистану и Чечне. Можно вспомнить Олега Ермакова и Александра Проханова, писавших об Афганистане, а также повести Аркадия Бабченко *«Алхан-Юрт»*, Юнуса Сэшила *«Царапины на осколках»*, Захара Прилепина *«Патологии»*, Германа Садулаева *«Шалинский рейд»* или его же рассказы в сборнике *«Я-чеченец!»*. Эти авторы прекрасно описали состояние современного человека-участника Чеченских войн. Совмещая в своей поэтике традиции Л. Толстого и модернизма, они, будучи по разные стороны линии фронта, сходятся в оценке этой войны, показывая алогизм происходящего, бессмысленность и беспощадность взаимного уничтожения людей, а также человеческую боль участника военных событий.

Пожалуй, самое видное произведение в этом направлении – роман В. Маканина *«Асан»*, существенное достоинство которого – ненавязчивость антивоенного пафоса. Без всякой дидактики и разоблачительной романтики и поэтому особенно убедительно автор показывает глупость и ненужность любой, и особенно такой, гражданской и межнациональной одновременно, войны. Маканин продолжает толстовскую традицию изображения войны как «противного человеку события» и в рассказе *«Кавказский пленный»*, посвященном тому же материалу. Рассказ особенно полезен в силу

очевидной интертекстуальности, заявленной названием, и использования кавказского материала.

Литература:

1. Агеев А. Мерзкая плоть: (Олег Ермаков и перспективы «афганской» литературы) // Знамя. 1993. № 4. С. 194-204.
2. Бродски А. Чеченская война в зеркале современной российской литературы / пер. с англ. Е. Калашниковой // Новое литературное обозрение. 2004. № 6 (70). С. 229-245.
3. Довлеткиреева Л. «Может то, о чем они могли рассказать, слишком ужасно?»: война в Чечне: параллельный взгляд изнутри // Дружба народов. 2008. № 7. С. 196-203.
4. Кукулин И. Живая боль незначимых войн // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 313-315.
5. Курицын В. О чем думает «саперная лопатка?»: (афганский опыт: песни, стихи, проза) // Знамя. 1990. № 5. С. 212-219.
6. Пустовая В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель: о молодой военной прозе // Новый мир. 2005. № 5. С. 151-172.
7. Ремизова М. Война изнутри и снаружи // Октябрь. 2002. № 7. С. 182-189.
8. Рудалев А. Обыкновенная война: проза о чеченской кампании // Дружба народов. 2006. № 5. С. 194-201; Москва. 2006. № 4. С. 200-210.
9. Теракопян Л. Уроки чеченского, или Работа над ошибками // Дружба народов. 2008. № 9. С. 152-155.
10. Шварц Г. «Анна Каренина» вместо «Войны и мира»: размышления об «афганской» прозе // Знамя. 1991. № 12. С. 235-238.
11. Щербинина Ю. Метафора войны: художественные прозрения или тупики? // Знамя. 2009. № 5. С. 187-196.

Глава 2. Олимпиада по литературе

Одной из форм литературного образования является подготовка и проведение школьных олимпиад по литературе. Традиционно олимпиадные задания не только нацелены на проверку знаний учащихся, но и предлагают ему продемонстрировать навыки анализа художественного произведения. В наших целях можно успешно использовать вторую часть. Для самостоятельного анализа ученикам часто предлагаются произведения современных авторов, не входящих в школьную программу. В последние годы на Всероссийском этапе Олимпиады школьников по литературе были рассказы Ю. Казакова, В. Аксенова, Ю. Трифонова, В. Астафьева, Т. Толстой, Л. Петрушевской. На школьном этапе целесообразно использовать этот опыт, «осовременивая» тексты, с которыми будут работать ученики.

Примеры олимпиадных заданий с использованием произведений второй половины XX века:

1. *Охарактеризуйте звуковую сторону приведенного стихотворения, указав приемы звуковой и собственно стиховой (ритмической) выразительности.*

Юрий Левитанский

Музыка моя, слова,
их склоненье, их спряженье,
их внезапное сближенье,
тайный код обнаруженья
их единства и родства –

музыка моя, слова,
осень, ясьень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли сниться,
сон ли синью осениться,
сень ли, синь ли, синева –

музыка моя, слова,
то ли поле, то ли ели,
то ли лебеди летели,
то ли выпали метели,
кровля, кров ли, покрова –

музыка моя, слова,
ах, как музыка играет,
то ли сердце замирает
и кружится голова –
синь, синица, синева.

1991

Рекомендации: Необходимо определение четырехстопного хорея (размера, звучащего легко и очень непринужденно) и указание на кольцевую (опоясывающую) рифмовку пятистишиий, придающую завершенность звучанию каждой строфы; а также характеристика инструментовки строф, особенно второй и третьей, на сень/синь и оли/ели/ле соответственно, что подтверждает выдвинутую автором в первой строфе мысль о тайном родстве слов. Желательно еще отметить ускорение темпа во второй строфе за счет трех полноударных стихов (2,4,5); здесь совпадение с метрической

схемой Х4 происходит из-за использования односложных слов. Так же желательно указать на распределение твердых и мягких согласных по строфам: во 2 и 3 больше мягких, чем в 1 и 4, что создает своеобразный звуковой художественный эффект, который участники вольны определить самостоятельно.

2. Перед вами два стихотворения одного из самых известных русских поэтов XX века, Давида Самойлова. Они были написаны на одну тему и в один год (1981). Но одно из них создано по правилам силлабо-тонической системы стихосложения, т.е. все стихи (строки) в нем упорядочены (одинаковы) по метру и размеру, и обе строфы одинаковы по рифмовке. А второе стихотворение написано свободным стихом, который называется «верлибр». Постарайтесь, внимательно прочитав оба стихотворения, определить правила верлибра и объяснить, почему поэт обратился в этом стихотворении именно к этой системе стихосложения, отвергнув привычную силлабо-тонику.

В этот час гений садится писать стихи.
В этот час сто талантов садятся писать стихи.
В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.
В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.
В этот час десять миллионов влюбленных юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.
Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Как ключевая влага, чистой
И, словно дерево, ветвистой,
На всё похожей, всем сродни.
И краткой, словно наши дни.

Рекомендации: Верлибр (свободный стих) – это такая система стихосложения, в которой значимым является только один, главный признак стихотворной речи: разбивка на стихи (строки) = запись «в столбик». Все остальные, вторичные, факультативные признаки стихотворной речи (соразмерность стихов по метру и размеру, а также строфичность, наличие рифмы) принципиально игнорируются, поскольку верлибр создается на фоне силлабо-тоники и имеет целью разрушение культурной инерции. Ученик должен увидеть, прежде всего, отсутствие соразмерности строк по метру и размеру.

Самойлов прибегает к верлибру («В этот час гений садится писать стихи»), чтобы охарактеризовать сложность создания настоящей поэзии, отличить Поэзию от стихов, поскольку писать их – занятие достаточно распространенное среди людей. Не случайно он использует разные наименования для авторов стихов: кроме гениев, это таланты, профессионалы, графоманы и даже просто влюбленные. В данном случае свободный стих больше соответствует смыслу стихотворения своей формой: разные люди, по разным причинам отдают дань этому занятию, но их творчество – совсем не

обязательно Поэзия, оно во всех смыслах «свободней»: неопределенней, менее организовано и более хаотично, чем истинное произведение искусства, предполагающее сотворение стройного мира, гармоничного Космоса, выражающего не только авторское сознание, но и сущностные для всего человечества вещи. Кроме того, создание Поэзии, по Самойлову, – процесс, инспирированный свыше, с неизвестным человеку результатом (см. финал стихотворения), рукой гений водит Бог (как в пушкинском «Пророке»), и чисто человеческих усилий здесь недостаточно. Отсюда «свободная» форма стиха, звучание которого не похоже на звучание традиционной поэтической речи, особенно в том случае, когда говорится не о гении. Кстати, в стихах, где говорится о гении (1,7,8) количество слогов (12) совпадает, хотя и они метрически не упорядочены.

3. Определите жанр приведенного ниже стихотворения; покажите в нем жанровые признаки. Найдите примеры аллитерации, инверсии и сравнения и определите значение этих художественных приемов в тексте.

Юрий Левитанский

Тихо. Сумерки. Бабье лето.
Четкий,
 частый,
 щемящий звук -
будто дерево рубят где-то.
Я засыпаю под этот звук.

Сон происходит в минувшем веке.
Звук этот слышится век назад.
Ходят веселые дровосеки,
рубят,
 рубят
 вишневый сад.

У них особые на то виды.
Им смешны витающие в облаках.
Они аккуратны.
 Они деловиты.
У них подковки на сапогах.

Они идут, приминая травы.
Они топорами облечены.
Я знаю –
 они, дровосеки, правы.
Эти деревья обречены.

Но птица вскрикнула,
 ветка хрустнула,
и в медленном угасанье дня
что-то вдруг старомодно грустное,
как дождь, пронизывает меня.

Ну, полно, мне-то что быть в обиде!
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад!

Рубите!
Он исторически обречен.

Вздор – сантименты! Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!
...И снова снятся мне
 вишни, вишни,
красный-красный вишневым сок.

1963

Рекомендации: Это элегия. Единственный признак – настроение. В стихотворении говорится о специфической грусти, вызванной наблюдением безвозвратно уходящих ценностей (красоты, гармонии, человеческой мечтательности, высокой эмоциональности), и в то же время в нем отражается их актуальность: если человеку от этого грустно, значит, для него эти ценности живы. Их символическим воплощением стал образ вишневого сада, вырубка которого в классическом произведении русской литературы описана как свидетельство исторической правоты и одновременно бесконечно грустное событие. Автор стихотворения словно оказывается в чеховском прошлом, испытывая «старомодную грусть», выражение которой свойственно жанру элегии.

Примеры аллитерации «Четкий, частый, щемлящий звук»; «... приминая травы. / Они топорами облечены. / Я знаю – / они, дровосеки, правы./ Эти деревья обречены»; «Но птица вскрикнула, / ветка хрустнула»; «и в медленном угасанье дня / что-то вдруг старомодно грустное...» и др.

инверсии «птица вскрикнула, / ветка хрустнула». В инверсированной позиции глаголы, обозначающие в данном случае производство звука, а звук – вообще один из центральных образов в стихотворении, который перешел в него из комедии Чехова. Кроме того, в данном случае слова передают звуки природного мира, и это поворотный момент в развитии лирического действия.

сравнения «что-то вдруг старомодно грустное, / как дождь, пронизывает меня». Описание состояния лирического героя с помощью этого сравнения показывает естественность такого состояния, его «природность», органичность и вечность. Напоминает о выражении «дождем природа плачет».

Примеры произведений для комплексного анализа текста

1. Давид Самойлов

КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
Как будто сердце леса обнажилось,
Готовое на муку и на риск.

Внезапно в чаще вспыхнул красный куст,
Как будто бы на нем расположилось
Две тысячи полураскрытых уст.

Внезапно красным стал окрестный лес,
И облако впитало красный отсвет.
Светился праздник листьев и небес
В своем спокойном благородстве.

И это был такой большой закат,
Какого видеть мне не доводилось.
Как будто вся земля переродилась
И я по ней шагаю наугад.

Рекомендации: *Обратите внимание на особенности его художественной организации: строфики и ритмики, цветовой палитры, описание «действия»; обобщающий характер последней строфы. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

2. Людмила Петрушевская

ЖУЧОК-ВОДОМЕРКА

Жил-был жучок-водомерка. У него был прекрасный домик над водой – с верандой, посудой и кроватью. Однажды в гости к нему залетела стрекоза, сама голубая, глаза зеленые, и сказала:

- Как у тебя прекрасно! Можно я буду здесь жить?

- Но ты не поместишься, - сказал водомерка.

- Я сложу крылья, - сказала стрекоза.

Она сложила крылья и поместилась в комнате. Но водомерка спросил:

- А как же мои братья и мама?

Стрекоза легла на кровать и сказала:

- Как тут чудесно!

Водомерка сказал:

- А у тебя есть свой дом?

- Нет, - ответила стрекоза. - Я поссорилась с ними и ушла куда глаза глядят. У меня никого нет на свете, ни одной живой души. Я совсем одна. Ты добрый, водомерка, очень добрый. Я так тебя люблю, не гони меня. Мне кажется, что ты меня жалеешь. Если ты меня выгонишь, я умру от горя. Не гони меня.

- Я тебя не гоню, - сказал водомерка. - Просто ты очень большая, а домик у меня маленький. А у меня пятнадцать братьев и мама!

- Спасибо тебе, что ты меня не гонишь, хоть ты и говоришь, что я очень большая. Я не большая, я просто очень высокая. Я тонкая и хрупкая, я могу сложиться совсем-совсем и подобрать хвостик. Ты видишь? Я стала маленькая.

- Давай я тебе построю домик, - сказал водомерка.

- Гонимь меня? - спросила стрекоза и заплакала.

- Но мои братья и мама где поместятся?

- Поэтому ты меня гонишь?

- А как же быть?

- А почему ты гонишь меня, а не их?

Водомерка остолбенел и замолчал. А стрекоза все плакала.

- Ты меня совсем не жалеешь, ты жалеешь только их. А вот я, я жалею тебя! Они сидят у тебя на шее, все шестнадцать душ. Ты все за них делаешь. Строишь домики, а они тебя не любят. А я тебя люблю. Они не любят, а я люблю! Водомерка не знал, что и сказать. Стрекоза продолжала:

- Почему ты обязан все для них делать? Почему ты не можешь хоть на секунду вспомнить о себе? Почему ты не можешь пожить без них? Я все для тебя сделаю, все-все!

- А мне ничего не надо, - сказал водомерка.

Он был вообще тихий и скромный жучок. И, кроме того, ему действительно ничего не требовалось.

- На нас двоих, - продолжала стрекоза, - этого домика вполне достаточно - тихо, не шумно, по вечерам луна и звезды, вода в пруду сверкает. Никто не прыгает, не кричит, никто не упрекает, не заставляет. Мы жили бы только для себя. Вот увидишь - я умею так прекрасно танцевать в лунном тумане. Я училась в балетной школе. Я играю на арфе. Вечерами бы к нам приходила прекрасная компания музыкантов. Представляешь? Тихая музыка над вечерней водой среди звезд, тумана и аромата цветущего луга. Хочешь, так будет? А? Хочешь?

Водомерка подумал и сказал на всякий случай:

- Посмотрим!

- Вот увидишь! У меня в камышинке спрятаны на всякий случай речные жемчуга, перламутровые раковины, посуда и подушки из камышового пуха. Ты не думай, что я бедная. Я из очень-очень хорошей семьи! Просто меня они все время упрекали, ругали, что я не хочу выйти замуж за этого рогатого урода, за богача-усача. Ты его видел?

Водомерка испугался. Он видел один раз великана - рогатого жука-усача.

- А он, - продолжала стрекоза, - живет в земле, пахнет навозом и мажет свои крылья деревянным маслом. Он чавкает и икает. Он питается мелкими созданиями, он и тебя мог бы съесть. Ты представляешь, водомерка? Я ему тебя не отдам! - закричала стрекоза и неожиданно обняла водомерку четырьмя верхними лапками.

- Ты мой, - шептала стрекоза. И в этот момент в домик ввалилась вся семейка водомерки. Увидев такую сцену, семья опешила и остановилась. Водомерка сказал из объятий стрекозы:

- Знакомьтесь - это моя мама, это мои братишки!

А стрекоза, не выпуская водомерку из лап, сказала:

- Очень приятно! Водомерка, принимай гостей! Ставь чайник, все самое лучшее - на стол! Добро пожаловать в наш домик! Здесь хотя и тесно, но довольно уютно.

Водомерка побежал на пруд за водой. А стрекоза распустила половину своих крыльев и стала жаловаться водомеркиной маме:

- Я так устала. Водомерка такой больной. У него от сырости болят коленки. Я его завтра отнесу к врачу-усачу - он лечит эти заболевания прогреваниями. Усач - мой знакомый врач. Он все для меня сделает. У него есть первоклассные навозные шарики. Он закладывает туда больных и катает туда-сюда.

От стрекозиных крыльев в доме было не повернуться, и все семейство водомерок толпилось на веранде. Это была тихая почтенная семья, и все водомерки называли маму на "вы". Когда водомерка вернулся в свой домик с полным чайником, стрекоза сказала ему:

- Твоей маме, видите ли, я не понравилась. Твоя мама что, не хочет, чтобы у тебя была своя семья? Не хочет, чтобы у тебя были дети? Ты знаешь, какие у нас могут быть дети? Водомерки с крылышками: и по воде, и по воздуху. Как лебеди.

И действительно, ни мамы, ни братьев в домике водомерка не нашел. Он стал раздумывать: куда же они подевались? То ли на старую родину - в соседний пруд по канавкам и лужам, то ли в камыши, к дружественной семье соседних водомерок.

- Ты молчишь и не отвечаешь, - сказала стрекоза. - Я сейчас брошусь отсюда в воду и утону. Ты что, хочешь, чтобы я утонула, ну?

И она вскочила на подоконник. В глазах у нее стояли огромные слезы. Водомерка испугался и словно потерял дар речи. Он вообще был неразговорчивый жучок. А тут такие дела!

- Считаю до трех, - сказала стрекоза. - Раз. Похоронишь меня, где белые лилии. Завернешь в паутинку. Два с половиной. Спасибо, что ты меня похоронишь, уж лучше в воду, чем замуж за усача. Лучше я умру, друг мой, единственный мой братик, ты не хочешь, чтобы я вышла за усача и погибла? Нет? Нет, ты не хочешь, чтобы меня закатали в навозный шарик? Отвечай!

- Нет, - сказал водомерка.

Вообще-то ему было все равно, но и гибели он никому не желал.

- Спасибо, что ты меня не гонишь. Не гонишь? Нет?

- Нет, - ответил водомерка.

Он в жизни никого ниоткуда не выгонял. Только пауков из своего домика при помощи веника. Пауки поселялись в любом пустом углу молниеносно и заплетали все так, что младшие дети увязали в паутине по грудь. Водомерка воевал с пауками. Это была опасная и трудная война. И приходилось запирать все окна и дверь уходя.

- Замечательно, - сказала стрекоза и прыгнула с окна.

Она поставила чайник на плиту, нарезала салат, все так красиво разложила, и в конце концов водомерка, как король, был усажен за стол с салфеткой вокруг шеи. Водомерка поел, выпил чашечку чая, а стрекоза все убрала, помыла, вытряхнула, подмела пол и прилегла отдохнуть. Водомерка же лихорадочно размышлял о том, как поживает его несчастная семья: и где они ютятся, и не плачет ли самый маленький. Водомеркин отец исчез куда-то, у водомерок это случается, но семья держалась стойко, и каждый год выводился новый водомерка.

Стрекоза тем временем опять открыла рот:

- Водомерочка, какой ты хорошенький! Ты просто-напросто прелесть! Скажи, а куда ушел ваш папка? Бедный ты мой водомерочка!

Ответ был такой:

- Папа хотел принести маме раковинки жемчужные, они лежат под большой корягой, и с тех пор его никто не видел.

- А ее, жемчужину? Видели?

- Конечно, ее хорошо видно, если встать прямо над корягой и немного поднырнуть. Глубоко-то нырнуть я не сумею, я еще небольшой, могу и не выдержать, сказала мама.

- Мама! - воскликнула стрекоза. - Тебе что мама скажет, то ты и пасть раскрыв. Самому надо доходить, своим умом! Жемчужина большая?

- Так, средняя, как моя голова.

- Ого, - вздохнула стрекоза. - Но ты же у меня сильный, ты же полный чайник с пруда принес по горе и по лестнице. Ты силач, да?

Водомерка ответил:

- Раковина вот только большая. Красивая раковина, перламутровая, но очень большая.

- Подумаешь, - отвечала стрекоза. - Ты в два захода: первый раз - жемчужинку, второй раз - раковинку. Я тебе помогу хорошо спрятать эту жемчужинку в мою камышинку. У меня, я тебе говорила, есть пустая камышинка, туда много что поместится. У меня тоже были речные жемчуга, но усач все отобрал, скотина рогатая, - зашипела стрекоза. - Подсмотрел, где я храню. Говорит: я тебе подарил, а теперь они мне понадобились. И забрал.

Тут стрекоза зарыдала.

- Не плачь, - сказал водомерка, - если хочешь, я туда нырну. Но ведь я могу и не вынырнуть, как мой папа.

- Папа твой сбежал, и все, - сказала стрекоза. - Не выдержал, что твоя мама командует тут. И кому понравится такое? Каждый год новая водомерка, с ума сойти. Если бы они еще летали, а так что? Все говорят, твой папа сбежал к бабочке. Ну, ты пошел? - спросила стрекоза.

- Я пошел, - сказал водомерка. - Тебе окошко закрыть?

- Нет, я люблю прохладу и ветерок. Я люблю вечерний туман и чтобы звезды сверкали. И занавесочка надувалась, как парус. Какой у нас красивый дом!

Она еще долго говорила, а водомерка уже мчался на полной скорости по пруду, потом по лужам и канавам на старую родину - в соседнее озерцо. Там в камышах водомерка и нашел всю свою испуганную семью. Ночью таскали сухие сосновые иглы и строили временный шалаш. Мама лежала, укрывшись листом подорожника, и плакала.

всего бабушкам. “Ах, эта болезнь, эта болезнь... — горестно качает головой Дуся, разговаривая с моей бабушкой. — Я просто в ужасе. Не знаю, что это будет”. Бабушка в ответ соглашается и так же горестно кивает, как сестра.

— Но она же может ходить с палкой, а не опираться на Мишу. Так это во всем так. Во всем. Она его тащит вниз. Сама из Самарканда, ни образования, ничего. Простая, но неглупа. А Миша слабый. Не может от нее отойти ни на шаг. А какой парень был, какой парень! Ты помнишь? — вопрошает Дуся.

— Да-а-а. Красавец, умница, — убежденно отвечает бабушка. — Таких, как он, не найти.

— Вот-вот. Все прахом, все прахом...

И так без конца. А Соня знает, что они там говорят за ее спиной, только делает вид, что ничего не замечает.

— Хитрая, — говорит Дуся. — Околдовала его просто. Не отпускает от себя ни на минуту. На работу вместе, с работы вместе. Все только с ним. Сама — никуда.

Работали Соня с Мишей в довольно странном месте — лечебно-трудовых мастерских. Возглавляли бригады психбольных. В семье все это вызывало недоумение.

В общем, я чувствовала, что-то здесь не так, но не могла понять, что именно.

Потом мы то и дело встречались на всяких семейных торжествах, и я замечала, что Соня как-то ходит все хуже и хуже. И одна нога у нее усыхает. Мама мне объяснила, что у Сони страшная болезнь — рассеянный склероз. Постепенно, постепенно ее тело утратит подвижность, она не сможет управлять своими руками, ногами, и, главное, ничего нельзя поделывать, болезнь неизлечима. “Какой ужас”, — подумала я и пошла заниматься своими делами. У меня всегда было много своих дел.

С годами я поняла, что так не устраивало Мишину маму в невестке. Она, как каждая мать, хотела видеть сына счастливым, сильным, удачливым. Хотела, чтобы у него была интересная жизнь, с которой и ей, матери, что-то перепадет хотя бы в смысле положительных эмоций. А что его ждет с Соней? Ужас, лучше не думать. Нет, конечно, никто не говорит, что Соню нужно бросить. Что ж мы, не люди, что ли. Но, забываясь о Соне В МЕРУ возможностей, считала Дуся, нужно жить своей жизнью, иметь престижную, интересную работу, какие-то увлечения. А там, кто знает... может, что-то и изменится. А он вместо этого сидит с Соней и ничего больше видеть не хочет. Ребенок у них растет, как трава. Соня и его себе в няньки приспособит.

Ничего не менялось в их жизни ровно до тех пор, пока году в девяностом Соня своим нетронутым болезнью крепким умом не дошла, что нужно уезжать из этой страны, пока возможность есть, так как ей с ее диагнозом и неуклонным ухудшением здесь светят только полная нищета и дом хроника. В доме хроника все, как известно, быстро кончается.

А Соня хотела жить — вот так вам всем. Уже в инвалидной коляске улетала она в Америку, и Миша вез эту коляску, и их сын Женечка, долговязый подросток, тащил сумки.

Прошло еще десять лет, и я сижу в доме у Дуси, в пригороде Чикаго. Дуся постарела, но держится молодцом, голова светлая, всему дает свои оценки.

— В Америке, — говорит, — живут ради фана. Ну, в смысле удовольствия. Работают, работают, а потом в Лас-Вегас. Даже я ездила. Есть специальные туры для пенсионеров. Дорога бесплатно. Только играй в казино. Да я жизнью своей довольна. Что мне надо? Все есть. Вот только Миша...

— Как Соня? — спрашиваю я и тут же сама пугаюсь своего вопроса.

Дуся машет рукой, о чем речь? Ужас.

— Соня практически неподвижна. Но с головой — полный порядок. Миша при ней. Ты знаешь, что она удумала? Она убедила себя и его, что он тоже болен. Бронхиальная астма. Ты такое где-нибудь слыхала? Да он с детства, тьфу-тьфу, у меня ни разу ничем таким не болел. Так она заставила его обойти всех врачей, оформить

инвалидность, и теперь он сидит, не работает, ухаживает за ней. Это трагедия, это моя трагедия, — причитает Дуся. — Вся жизнь псу под хвост, все пропало. Она его чисто приворожила, ну никак по-другому это не объяснить. А что будет с ним, когда ее не станет? Он уже не способен ни на что.

— А Женя? — пытаюсь перевести я разговор в другое русло.

— Слушай, я тебе говорю, Женю она тоже угробит. Он окончил университет, нормальный парень. В прошлом году познакомился с девушкой, здесь мальчикам в этом плане совсем непросто. Они не могут с американками. Другой менталитет. — Дуся особо подчеркнула это иностранное слово. — Девушка из России, подходит ему по всем статьям. Надо жениться!

— И что, он не хочет?

— Да нет, он бы женился. Но Соня ему объяснила, что здесь можно жить и так. Без росписи. Хоть всю жизнь. Она не хочет, чтоб у Жени семья своя была. Хочет, чтоб все при ней... А девушка говорит: хочу замуж. Хочу семью, детей. Ее тоже понять можно. Вот так, повстречались-повстречались, да и расстались. Он не женится, а она просто так не хочет.

Дусин рассказ прерывает звонок в дверь. Приехал Миша. Он отвезет меня в гости к себе домой, Соня хочет меня увидеть.

Миша заходит как-то боком, боком, потерянный, несчастный. Он стал ниже ростом, как-то утоптался.

— Привет, мама, — говорит он, не глядя ей в глаза.

Она же, наоборот, сверлит его своим цепким взглядом.

— Как дела, Миша? Посидишь немного? — спрашивает она с упреком.

— Нет, мама, мы поедem. Соня там одна.

Дуся смотрит на меня выразительно, мол, сейчас сама все увидишь. Мы с Мишей выходим, садимся в машину. Ему как-то не по себе. Пытается шутить со мной, но самому невесело. Едем в молчании, я вижу, он нервничает. Бормочет: “Сейчас уже приедem. Тут близко”. Останавливается у многоэтажного дома, от которого так и веет несчастьем.

— Это социальный дом. Для инвалидов. У нас квартира на первом этаже. Заходи, — открывает дверь парадной.

Мы стоим на пороге его квартиры. В нос бьет запах затхлости, испарений, запах горя и болезни. Я медленно прохожу в комнату, где лицом к окну и спиной к двери сидит в инвалидном кресле Соня.

— Заходите, заходите, — слабым голосом зовет она, не поворачиваясь к нам.

Да, она же не может двигаться, вспоминаю я. Прохожу сама, встаю перед ней, наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку. Передо мной — одутловатое лицо серого цвета, тяжелое, шумное дыхание. Она поднимает на меня глаза, единственное, что движется на этом лице, чуть-чуть улыбается. И тут я ловлю совершенно фантастический, сияющий радостью и счастьем взгляд Миши. Он смотрит на нас, на меня и на свою Соню, он подходит к Соне и садится рядом с ней в кресло. Расправляет плечи, глубоко и спокойно вздыхает. Ну, теперь все в порядке. Я у себя дома, читается в его позе.

— Вот так мы и живем. Ничего особенного, конечно, но нам нравится, — говорит Миша и смотрит тепло на Соню.

— Да, сколько лет прошло... — слабо шелестит Соня. — А помнишь, как мы в Пярну все хорошо жили? Как твои мама, папа? А мы с Мишей вот болеем. Ты же видишь. У меня плохо, да и у Миши не лучше. Бронхиальная астма. У него это с детства. Даже его мама говорила, он был еще маленький, когда начались эти приступы.

Миша улыбается, кивает в знак согласия. Да, был еще маленький.

— Так мы все вдвоем с Ми-и-ишенькой. Женечка вот заезжает, помогает нам. Ми-и-ишенька, а поставь кассету Женинградюэишен. Церемония окончания университета. Два года назад.

Миша с готовностью вскакивает, ищет кассету, вставляет ее, нажимает на кнопки. Появляется изображение. Стадион, куча людей, любительская съемка, камера прыгает, и вдруг отдельно от всех на трибуне сидит Соня, поворачивает слегка голову, кивает, улыбается в камеру.

— Приве-е-т! — восторженно восклицает Миша Сониному изображению на экране. И вид у него такой, будто бы он случайно увидел свою первую любовь спустя много лет. Удивление, волнение, смущение, радость. Он смотрит на меня с гордостью: ну что, видала?

Меня знобит. Невозможно все это уразуметь. Никак приворожила!

Дверь квартиры открывается — пришел Женя. Привез сумки с продуктами. Раскладывает все по местам. “Это на завтра, пап, сваришь суп?” Проходит в комнату и садится рядом с родителями. Взрослый мужик, улыбается мне.

— Привет, как дела? А у меня недалеко тут квартира. Я то у себя, то у родителей. В зависимости от ситуации.

Я смотрю на них — им хорошо. Они вместе. Соня дает жизненность своим мужчинам, и на этом они держатся. Им никто, кроме нее, не нужен, ей замены нет. А бытовые тяготы, невзгоды, болезнь — ну что поделаешь, такая судьба. Ну ничего, как-нибудь, справляемся же. Пусть будет так и не хуже.

Я вижу их втроем на одной картинке. Пусть будет так.

Рекомендации: Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: жанр произведения, смысл названия, временной и географический охват событий; особенности диалогов, характер заключительной фразы (есть ли в ней «мораль» и какая?) Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

4. Владимир Лорченков

Владимир Владимирович Лорченков родился в 1979 году в Кишиневе, закончил факультет журналистики Молдавского государственного университета. Печатался в журналах “Новый мир”, “Знамя”. Лауреат премии “Дебют”, “Русской премии”. Живет в Кишиневе.

МАКАМОНЫ

рассказ

— Мооз, — говорит он.

— Мороз? — повторяю я.

— Да, Мооз, — втолковывает он.

— Мороз? Дед Мороз? — начинаю понимать я.

— Деда Мооз, — улыбается он из маленькой ванной.

Зубов у него пока еще двадцать, им у него во рту не тесно, поэтому между ними щели. От этого улыбка выглядит очень открытой.

— Хорошо улыбаешься, — говорю я.

— Мооз, — напоминает он.

— Мороз, — киваю я.

— Деда Мооз, — мечтает он.

— Да, — обещаю я. — Дед Мороз. Придет.

— Пидет.

— Придет. На Новый год. Обязательно.

— Игусики, — улыбается он.

— Игрушки, — подтверждаю я. — Принесет игрушек. Много.

— И соник! — кричит он, смеясь.

— И слоник, — говорю я, недоумеваю, откуда у Мороза в свите слон.

— Мооз, — снова говорит он.

И будет говорить до тех пор, пока не уснет. Он только начал говорить, и из него прет. Как из щенка — любовь к жизни. Волосы у него взъерошены, и я думаю, что пора бы его постричь.

— Постричь бы тебя, Игнат, — говорю я. — Вон зарос как...

— Не надасапунь, — пугается он.

— Не будет шампуня, — обещаю я.

Хотя шампуня надо бы, голову мы ему не мыли уже неделю, но стоит ему попросить чего-то не делать, как у меня щемит в груди. По-настоящему, как будто мышцу. И я не делаю. Бабье сердце у тебя, говорит мне дед мальчика. Много вы о бабах знаете, огрызаюсь я. Наверное больше, чем ты, если твоя от тебя сбежала, огрызается он. Ваша дочь, вы воспитали, огрызаюсь я. Но пререкаемся мы несерьезно, потому что оба знаем: прав он.

И куда правильнее будет, если я вымою мальчику голову против его воли. Чем не вымою по ней, формулирую я и вздыхаю.

— Не надасапунь, — тихо говорит он, внимательно глядя на мои руки.

— Не надо шампунь, — говорю я.

— Могаигусики, — перестает бояться и возвращается к теме подарков он.

— Много игрушек, — подмигиваю я.

— Не надасапунь, — говорит он напоследок и начинает играть с Микки-Маусом.

— Не надо, — покоряюсь я.

В рейтинге авторитетов у него на первом месте Бэтмен. На втором — Микки. Третье почетное разделяем мы: я и танцующая коровка из музыкального клипа. Не надасапунь. Ладно. Вымою завтра. На счетчике шесть кубометров. Или пять? Я кричу, — он не обращает внимания, потому что чистит Маусу зубы, — и опускаюсь на колени. Сую голову под унитаз, чтобы разглядеть показания. Все-таки шесть и даже шесть с половиной. Ванна отменяется. Вода дорожает каждый месяц. Я дергаю головой, и мне сводит под затылком. Разожрал шею, как у быка, корю я себя и потихоньку высвобождаюсь из-под бачка.

Кем я видел себя несколько лет назад? Писателем с мировым именем? Репортером, ведущим эфир из ада сражений? Молодым философом в окружении полураздетых поклонниц? Угрюмым писателем, который вот-вот состоится, живет уединенно и выходит из дому лишь прикупить продуктов да покачаться на турниках в парке напротив дома? Не помню. Все слилось в какой-то светящийся ком. Все мое прошлое. Я ни в чем не уверен. Кроме одного. Стоящим на коленях с головой под унитазом я себя точно не видел.

Все у меня могло бы быть. Наверное. Но для этого нужно только, чтобы я был один. А теперь у меня есть он, и он чистит зубы Микки-Маусу, а одна из полураздетых поклонниц, сделавшая мне его, шастает где-то в районе Лондон-стрит. Любовь. Ох, сынок. Не женись. Это ловушка, как справедливо говорит семьянин Гена Букин из юмористического сериала “Счастливы вместе”. Ловушка, которую подстраивает природа, чтобы ты размножился. Я, наверное, бормочу, потому что малыш радостно плюхает по воде ладошкой и с улыбкой говорит:

— Ена, Ена...

— Ага, — говорю, — Гена. Сейчас будет.

Мы смотрим Гену. И няню Вику. Мы много чего смотрим. Передачу про то, как стать миллионером. Мультфильм про каких-то японских телок, в принципе, обычных, только уши у них почему-то заострены. Почему, я никогда не узнаю: канал французский, а я по-ихнему не говорю. Кстати, почему на французском канале японские тетки? И с чего я взял, что они японские? Наверное, решил так из-за глаз. Глаза у них неестественно огромные. Японцы так любят рисовать.

— Исую, исую, папа! — довольно окунает кисточку в ванную он.

— Рисуешь, — говорю я.

Становлюсь на колени у ванной и опускаю руки в воду. Хорошо. Тепло. Мокрым пальцем стираю с подбородка Игната засохшую сметану. Я ее в макароны добавляю, чтобы не слишком горячие были. Терпения дожидаться, когда они остынут, у него нет. Он вообще нетерпеливый. В мать, наверное. Не в меня точно — я могу ждать часами. Чего там — годами. Только чего?

— Макамоны! — радостно говорит он. — Я.

— Да, ты ел макароны, — повторяю я.

— Я еумакамоны, — важно повторяет уже он.

— Ты ел макароны, — терпелив я.

Только так, сказал мне врач в детской поликлинике, можно научить его хорошо говорить. Позвонила бы Света, я бы ей рассказал. Про то, что он уже говорить начинает, что ест хорошо, что купаемся каждый вечер, только голову не дает мыть, что... Только она не звонит.

— Де моёмами? — спросит он меня, когда мы ляжем.

И я снова что-нибудь придумаю.

В дверь звонят.

Я спрашивал у знакомых, а что они чувствовали, когда у них появлялся ребенок.

— Ой, радость необыкновенную! — говорили, радостно хлопая глазами, мамы на прогулках.

— Ничего, — отвечали папы в спортзале.

— Счастье от того, что наконец-то родился, — делился кто-то на вечеринке.

— Сознание того, что выполнил долг, — даже сказала подруга жены за чаем.

— Ликование! — брякал кто-то в кафе.

Так или иначе, но рады были все. Я оказался моральным уродом. Потому что единственное чувство, которое пришло ко мне с рождением Игната, был страх. Гадкий, парализующий, от которого давление поднимается до горла. Он не покидает меня с тех пор ни на минуту. Я боюсь за него, за этого ребенка. Мне жаль его — мир жесток и несправедлив. Сколько детей страдали в нем? Я мысленно терял своего ребенка на войне и в глобальных катастрофах. Я понадеялся было на Бога, но потом вспомнил, что разве Бог вмешался хоть раз? Войны, голод, жестокость, зверства. Сотни тысяч убожков творят ужасные вещи и умирают в теплой постели. Рядом со своими детьми.

— Расплата грянет в другой жизни, — сказал мне знакомый.

Я подумал, но не успокоился. По-моему, решил я, это сказки, которые придумали те, кто виновны, — чтобы расплата их не постигла. В общем, я перестал верить в Бога, когда родился Игнат. А когда через две недели Света собрала вещи и уехала, я про него, Бога, просто забыл. Некогда было.

Я смотрю на Игната и плещу ему воды на спину. Он морщится, но молчит. Я заставляю себя улыбнуться и смотрю в зеркало на недельную щетину. Встряхиваю пену напрасно — все равно почти ничего не выходит — и тру лицо мылом. Баллон надо бы выкинуть, но тогда будет ясно, что нет пены для бритья. С баллоном ванная выглядит respectableнее.

Бреюсь. Игнат, конечно, берет старую бритву, из которой я специально вынул лезвие, и водит по лицу. Оно у него гладкое-прегладкое. Кажется, прикоснешься — и поранишь... Я сжимаю зубы и велю себе заткнуться.

Сын мой, не бойся.

Я твержу себе это, как молитву когда-то. Как мантру. В кино про индейцев, Гибсона, что ли, которое недавно брал на диске, старый вождь говорит напуганному взрослому сыну: сын мой, не бойся. Я, кажется, понял, о чем он. Сын мой, не бойся, потому что если нам суждено умереть, то мы умрем: в таком случае наше дело обставить

все так, чтобы мы протянули как можно дольше. Сын мой, не бойся. Я говорил это мальчику десятки раз, пока не понял, что вовсе не Игнату это говорю. Я себя прошу не бояться. Потому что, если он увидит во мне страх, увидит, что я боюсь, — то все. Нам конец. Обоим. Игнат роняет бритву в большую пустую ванную и говорит “ой”. Испуганно глядит на меня.

— Сын мой, — мягко, но твердо стараюсь говорить я, — не бойся.

— Мооз, — говорит он, успокаиваясь.

— А как же, — говорю я.

— Игусики, — говорю я.

— И соник! — кричит он.

В дверь звонят, и я не успеваю справиться с собой.

Вздрагиваю.

Денег катастрофически не хватает на все, особенно — на коммуналку. Слава богу, у Игната своеобразные предпочтения в еде. Обожает макароны и пельмени. И то и другое дешево. Фруктов не ест. Единственная статья расходов — соки, которые он привык пить перед сном. И коммуналка. За квартиру в этом районе, в который мы съехали из прежнего — там было гетто, если называть вещи своими именами, — я плачу две трети зарплаты. Можно вернуться, но я решил, что ребенок не должен видеть все это дерьмо. Драки, коммуналка, туалет на пять квартир, самогонный аппарат на первом этаже и зарешеченное окошечко в квартире на третьем. Постучишь — откроют, протянешь деньги — бросят пакетик. Иногда с травой, иногда с чем-то покруче.

Еще треть зарплаты — еда и сок. За детский сад я одолжил.

А ведь нужны еще и вещи. И лекарства иногда.

И ботинки ему, с досадой вспоминаю я. Зимние ботинки. В старых уже не ходишь.

— Мооз, — напоминает Игнат.

— И игрушки, — вспоминаю я.

— Игусики, игусики! — подтверждает он, радостно улыбаясь.

— Тебе не надоест говорить одно и то же, малыш? — улыбаюсь я.

— Тие ни нестаетаритьаноитосимаыш, — неумело повторяет он слишком длинную фразу и возвращается к главному: — Мооз, игусики!

— Конечно, — говорю я, освобождая лицо от щетины.

Издали кажется, будто я стираю с розовой маски серый налет. Вижу плохо, поэтому бреюсь все равно на ощупь. Игнат роняет бритву, я наклоняюсь, чтобы подобрать ее, успокаиваюсь, и тут раздается звонок, от которого я вздрагиваю.

Я иду к двери и, выключив свет в коридоре, кошу в глазок.

На лестничной клетке стоит человек в форме.

— Звонят из газеты, — говорю я. — Местный филиал “МК”.

— Чего хотят? — спрашивает Олег.

— Проводят опрос.

— Задолбали своим опросами! — довольно говорит он, потушив “Мальборо” о край стола. — Каждый день.

— Если бы они не звонили, ты бы обиделся, — говорю я.

— Да ладно, — кокетливо тянет он, но нам обоим понятно, что да. Обиделся бы. — Ну, что там за вопрос? — торопит он меня. — Мне еще подводки к сюжетам писать.

— А гражданство какой страны вы бы хотели получить вдобавок к молдавскому? — читаю я по бумажке.

— Никакого. По слогам им зачитай, — самодовольно улыбается он, — ни-ка-ко-го! Я наш молдавский паспорт ни на какой не променяю!

Я иду к своему рабочему месту секретаря телекомпании и диктую в трубку:
— Никакого. По слогам запишите. Ни-ка-ко-го. Я наш молдавский паспорт ни на какой не променяю. Он меня вполне устраивает! Подпись — Олег Новиков, автор и ведущий программы “Дисбаланс”.

— Ну, еще бы, — говорит после короткой паузы — видимо, записывал — журналист. — Будь я личным журналистом нашего президента, я бы тоже свое гражданство ни на что не променял! Хорош Новиков! Он небось забыл, когда последний раз через общий зал аэропорта шел или ехал за границу за свой счет, а не в делегации.

— Лоринков... — устало говорю я.

— Да? — говорит он.

— Ты же знаешь, что мне не нужны неприятности.

— Какие это? — дразнит меня он.

— Разные, — кратко отвечаю я.

— Ну да, — язвит мой собеседник, мы с ним учились когда-то вместе, — все мы когда-то были неплохими парнями, но нас испортила закладная на дом.

— Совершенно верно, — говорю я. — Только меня испортил ребенок, а не закладная. Закладной у меня нет. Как, впрочем, и дома.

— Извини, — говорит он, помолчав, но я уже кладу трубку.

Иду выпить чаю в большой кабинет, где отдыхают операторы, журналисты и водители. Посидел, поговорил. Разговоры здесь только об одном. Кто, как и куда уехал, кому повезло с визой, кто перебрался в Россию, а кто в Италию и кому повезло попасть в Штаты. Бегут, бегут, бегут. Бегут все. И у нас тоже — водители, журналисты, операторы...

Впрочем, все они по штату — редакторы. На ТВ столько же редакторов, сколько в Чечне бригадных генералов. Люди телевидения.

Мне тоже предлагали делать сюжеты, но я отказался. Человек, который работает 6 часов и получает 100 долларов, зарабатывает больше человека, который работает 12 часов и получает 120 долларов. Конечно, я так не сказал. Объяснил, что хочу больше времени уделять ребенку.

Тем более что я и правда хотел уделять время ребенку.

— Верона, — удивительно ясно, как будто из-за спины, сказала она.

— А, — сказал я, — там, где Ромео и Джульетта.

— Вечно ты выдумываешь, — сказала она.

Больше мы не разговаривали. Вот уже два с половиной года. Света уехала вроде как на заработки в Италию, но уже через несколько месяцев вышла замуж за хозяина виллы, которую подрядилась убирать. Необычайное везение. Впрочем, ей всегда везло. Уезжала она, конечно, на год-два. Заработать денег, обустроиться и вызвать нас с Игнатом. Пункт три из программы вычеркнут, думаю я.

“Миграция рабочих рук и разбитые семьи. Двадцатитрехлетняя молдаванка, уехавшая в Италию на заработки, отказалась от своей прошлой семьи ради будущего с новым мужем”, — мысленно пишу я подводку. Смешной был бы сюжет. Только таких сюжетов у нас стараются не показывать. В Молдавии все хорошо, а некоторые отрицательные моменты стоят того, чтобы их замолчали. Ради страны. Вы ведь любите эту страну? Не знаю. Наверное.

— Игусики, — говорит Игнат.

— Сын мой, не бойся, — говорю я. — Будут тебе игусики, — говорю я.

Не знаю, как насчет игрушек. Но ботинки будут. У меня пятьдесят долларов. Целое состояние. Правда, в леях, но так даже лучше. Все равно пришлось бы менять. Деньги я взял у своей бывшей соседки. Ну, то есть как взял. Отобрал.

— Гхакх! — только и сказала она.

И повалилась на бок. Но сознания не потеряла, а почему-то засучила ногами по разбитому асфальту. Встретил я ее у пятиэтажки, откуда мы с Игнатом перебрались еще в

августе. Соседку звали, — впрочем, почему звали? и сейчас зовут, — Анжелой. У нее трое детей, и это она бросает пакетики с наркотиками через зарешеченное окошко. Участковый знает, он в доле. Анжелу знает и проклинает половина матерей здешнего района: она продает их детям наркоту.

— Мне своих детей нужно кормить, — говорила она мне. — Трех. Понял ты, интеллигент?

— Все мы когда-то были неплохими парнями, но нас испортила закладная на дом, — повторял ей любимую фразу Лоринкова, язвительного, но, в общем, справедливого парня.

Правда, сейчас она уже не кажется мне справедливой. Как и Лоринков справедливым.

Так или иначе, Анжелу Бог наказал, как говорят кумушки. Старшая дочь уехала в Турцию проституткой, младшая недавно вены резала из-за несчастной любви... А пятилетний сын ссытся в штаны прямо на улице. Анжела вся черная, но не сдаётся. Пакетики в окошко двери так и летают.

— Сын мой, не бойся, — наверное, говорит она.

Вообще-то я рассчитывал не на нее. Я шел к старой торговке спиртом, которая сидит на табуретке на самой автобусной остановке. У таких всегда денег больше всего. По лею-два они за день набирают со ста и больше клиентов. Я наблюдал за такими, когда жил здесь. Деньги мне были очень нужны. Зарплату дали с опозданием на два дня, а при ее размерах это

для меня катастрофа. Я отложил долги и понял, что нам с Игнатом в этом месяце не жить. Никак.

Сын мой, не бойся.

Я поехал к автобусной остановке у своего бывшего дома. Но там было пусто, и я побрел почему-то к своему бывшему подъезду, а там на корточках и спиной ко мне сидела Анжела. Курила. Я, не задумываясь, крутанулся на левой ноге и носком правого ботинка ударил ее изо всей силы в висок. А надо было в затылок. Я, конечно, сгруппировался. Но мне повезло.

— В кои-то веки тебе повезло, — снисходительно сказала бы мне Света.

И была бы права. Мне редко везет. Но она ничего этого не видела. И никто не видел. Черная от жизненных неурядиц Анжела крутанулась и упала не на спину — тогда бы увидела меня, — а на бок. Упала, засучив ногами. Держалась за лицо. Пыталась встать. Я отскочил чуть, раскрыл пустой — и зачем носу? пусто же? потом вспомнил, хотел пойти на рынок купить картошки, но денег не было — рюкзак и нахлобучил его ей на голову. Ударил носком в живот. Тут она поняла, что тот, кто бьет, не хочет, чтобы она увидела его лицо, и послушно перестала крутить руками у своего лица. Нет, теперь я уже не боялся. Ведь это мог быть кто угодно из местных. Любой из них сделал бы то же самое не задумываясь. Даже Анжела сама бы так сделала.

Я придавил ей коленом спину, сунул руку в карман и вытащил деньги. Пересчитал. Вообще-то мелочь. Но сейчас — целое состояние. Перекатил ее на живот, заставил положить руки на затылок. Оглянулся, понял, что уже сумерки. Сразу успокоился. Сорвал рюкзак и прыгнул за угол. Быстро рванул в сторону. Метров через триста перешел на шаг, направился к дому пешком — сворачивал на разные улочки. Сердце не билось часто.

Сын мой, не бойся.

Дома Игнатка бросился на шею, намочил щеку слюнями и стал сам открывать пачку сока. Сразу не получилось, начал ругаться, побежал за игрушечной отверткой. Дыру пробивать. Нетерпеливый он, подумал я. Ничего, подумал я.

— Подзадержался, — сказал тесть.

— Виноват, — просто сказал я и ушел на кухню.

С ним бесполезно говорить. У него на все свое мнение. А я почему-то его, мнения, лишился. Не потому, что у меня его вообще нет. Просто вдруг сотни тысяч вещей, людей

и явлений оказались для меня настолько скучными и пустыми, что о них и думать-то ничего не нужно. Дверь скрипит — это тесть уходит. Чурбан бесчувственный. С ребенком хоть иногда сидит, и за то спасибо.

— Пакати! — заорал Игнатка и прыгнул мне на ногу. — Пакати, папа!

— Купаться, — говорю я. — Только сначала поешь, да?

— Макамоны!

— А ничего больше и нет...

Я варю макарены и заливаю их сметаной. Игнат ест, болтает, рассказывает что-то про деда и как они с дедом играли, пьет сок, опять ест, просит воды, болтает ногами, не сидит на месте совсем. Потом я быстро доедаю за ним пару ложек и мою посуду, пока он решительно тянет меня купаться.

Набираю его ванночку, ставлю ее в большую ванную и усаживаю его в воду. Даю Микки-Мауса. Проверяю счетчик. Бреюсь. И тут звонок.

— Игнат, сиди тихо! — говорю я. — К папе пришли.

— Мооз?! — радостно спрашивает он.

— Мооз, — помолчав, говорю я.

Считаю до десяти и открываю.

— Распишитесь.

Он тянет мне бумажку из желтого света подъезда.

— Это еще?.. — не договариваю вопрос я.

— Расписываться будем или нет? — устало спрашивает он.

— По поводу? — грубо говорю я.

— По поводу перевода, — грубо говорит он.

— Ка... — говорю я.

И медленно вдыхаю, стараясь, чтобы незаметно от него. Форма и правда синяя, но светлее, чем у полицейских.

— Почтовая служба ДХО, — терпеливо вздохнув, начинает он бубнить, — первая служба доставки корреспонденции и ценностей в регионе, мы рады приветствовать вас, распишитесь, пожалуйста, здесь и примите... Отправитель — журнал Федеральной службы связи России, — снова становится грубым он.

— Да, — растерянно говорю я.

— Да-да, — киваю я.

— Да-да-да, — припоминаю, что когда-то отправлял пару рассказов, я.

— Да-да-да, — вспоминаю, что они долго молчали и я уж просто решил, что не напечатают и, значит, не заплатят.

— Да, — расписываюсь я.

— Да-да-да, — принимаю конверт я.

— Да-да-да-да, — улыбаюсь, пересчитывая деньги, я.

— Да?! — поражаюсь размеру суммы я.

И еще что-то говорю.

Кажется, снова “да”.

Отблики от телевизора скачут по одеялу, под которым лежат тесть с Игнатом. Малыш причмокивает во сне и бормочет “оз, ооз, мооз, соник”. Хихикает, смеется... Тесть начинает похрапывать. Я выключаю телевизор и стою минут пять в темноте.

Жду, пока глаза привыкнут.

Потом иду в коридор, осторожно выхожу в подъезд. Собираюсь пойти в супермаркет поблизости, купить Игнату обувь — мы уже мерили, подошло, были бы деньги тогда. Игрушек еще. Не к Новому году. Сейчас. Закрываю двери, спускаюсь на десять ступенек и останавливаюсь, чтобы взглянуть в междуэтажное окно. В стекле отражаюсь я. Сын мой, не бойся...

Какой я? Крупное, надменное, усталое лицо. Уголки губ чуть вниз. Жестокое, равнодушное лицо. Ничего общего с тем ангелом, что пускает сейчас слюни на подушку в детской. Хотя есть кое-что. Нос. Глаза. Губы такие же...

Постепенно черты Игната начинают проступать в том лице, что я вижу перед собой.

Долго смотрю ему в глаза. Потом отворачиваюсь и иду в магазин.
За слоником.

5. Мария Никулина

НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ

Летние поезда
Катят без опоздания,
Точно по расписанию
В южные города.

И, завершив поход
По чужедальним водам,
К сроку вернулся флот
К береговым погодам,

Встал в голубой залив,
В каменный Севастополь,
Пушками укрепив
Береговой акрополь.

Черная синева,
Звезды над бедным садом,
Слышно, как за оградой
Мерно растет трава.

Слышно, как по стене
Ищет опоры ветер,
Бабка стоит в окне,
Тихо на белом свете.

Долгая тишина.
Спят корабли и люди.
Скоро взойдет луна.
Тише уже не будет.

Глава 3. Новые формы и механизмы существования литературы: современная литература на Сетевых ресурсах

Технический прогресс всегда сопутствовал развитию литературы, предлагая ей новые формы существования. Сегодня это компьютер и Интернет. Мы знаем, что эту огромную и важную площадку школьник осваивает естественно и быстро, знакомство с различными интернет-площадками и сетевыми ресурсами обычно происходит самостоятельно и стихийно. Однако задача учителя – сориентировать его в бескрайнем пространстве Сети и информировать учеников о ее возможностях, например, объясняя разницу между такими порталами как «Проза.ру» или «Стихи.ру» и ресурсами, которые создаются и курируются профессионалами.

Приобщение к современной, действительно, литературе возможно именно на последних. Первые приобрели репутацию «сливных», поскольку созданы для пишущих людей, стремящихся к общению посредством писания. Они предоставляют людям возможность свободной публикации произведений, даже если они имеют ценность только в собственных глазах автора. Но существуют специализированные сайты, библиотеки и порталы, где публикация возможна лишь после оценки другими людьми, которые много или очень много читали, имеют возможность сравнивать и обладают определенными профессиональными навыками, квалификацией и опытом.

Самым показательным примером освоения современной литературой сетевых возможностей является проект «*Журнальный зал*». Литературный процесс в России непредставим без «толстого» журнала, этот национальный феномен, несмотря на пессимистические прогнозы, продолжает свое существование и активно использует площадку Сети.

«Журнальный зал» (ЖЗ) является некоммерческим литературным интернет-проектом, представляющим деятельность русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом. Он создавался в 1995-1996 годах как своеобразная интернет-федерация нескольких толстых литературных журналов, договорившихся выставляться в Сети вместе. В процессе работы ЖЗ определилась концепция сайта – представление феномена русской толсто-журнальной литературы в сегодняшнем ее состоянии как явления, прежде всего, эстетического. В течение всего XX века успешно работали и продолжают функционировать сейчас десятки литературно-художественных и общественно-политических журналов, такие как «Новый мир», «Арион», «Знамя», «Звезда», «Континент» и другие. Они и представлены на ресурсе. Подробнее об этом проекте можно узнать в статье С. Костырко «Magazines.russ.ru. К десятилетию Журнального зала в Интернете. История и концепция сайта, справка о нынешнем состоянии»¹⁰.

Для представления о том, что происходит в сегодняшней литературе, совершенно незаменим открытый в 1997 году сайт журнала современной литературы «*Вавилон*». Он включает в себя несколько разделов. В разделе «Тексты и авторы» печатаются показательные подборки действующих российских литераторов, краткие сведения о них, ссылки на другие появления в Сети. «Журналы, газеты, книжные серии» знакомит с различными способами соединения текстов и авторов в неслучайные соседства. «Лица русской литературы» дают портреты современных русских литераторов, а «Литературная жизнь» предоставляет хронику литературных событий, краткие сведения о новых книгах и т.п. Сайт имеет архив, а также знакомит с несколькими интересными проектами в области современной литературы. В частности, один из них – сетевой литературный журнал *TextOnly* (<http://textonly.ru/titlePage/>).

¹⁰Костырко С. Magazines.russ.ru К десятилетию Журнального зала в Интернете. История и концепция сайта, справка о нынешнем состоянии // Новый мир. 2006. № 3. Режим доступа: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/ko18.html

Другим проектом «Вавилона» стал журнал поэзии «*Воздух*» (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh>). Материалы, печатающиеся в нем, для школьника могут оказаться сложны, но зато названия его рубрик ярко демонстрируют природу журнала как целостного эстетического явления: Кислород, Глубоко вдохнуть, Дышать, Перевести дыхание, На один вдох, Завихрения, Откуда повеяло, Дальним ветром, Роза ветров, Атмосферный фронт, Антициклон, Вентилятор. Список редколлегии называется «Состав воздуха». Остается добавить, что своим эпиграфом и лозунгом журнал выбрал слова О. Мандельштама «Все стихи делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух».

Вообще тенденция к содержательному и эстетическому единству и концептуальности – ведущая черта современных литературных изданий. Приведу последний пример: «*Дети Ра*» (<http://www.detira.ru>) — толстый литературный журнал поэзии и прозы, издающийся с 2004 года в Саратове. «Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлабо-тонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово», — объясняет редакция.

Едва ли не самый крупный сайт по интересующей нас тематике – «*Новая литературная карта России*» (<http://www.litkarta.ru/about/>). Общая задача этого проекта, как пишут редакторы, «восстановление целостности русского литературного пространства». Этим объясняется региональный принцип расположения материала. «Литературная карта России» — это постоянно пополняемое хранилище информации по русской литературной регионалистике. Основа сайта – региональные разделы, посвященные как российским городам, так и тем странам мира, где так или иначе представлена русская литературная жизнь. Каждый региональный раздел в полном объеме включает в себя четыре рубрики:

ЗДЕСЬ ПИШУТ – презентационные страницы работающих в данном регионе литераторов разных поколений;

ЗДЕСЬ ВЫСТУПАЮТ – расписание проходящих в регионе литературных мероприятий и отчет об уже состоявшихся акциях, включая аудио/видео;

ЗДЕСЬ РАБОТАЮТ – презентационные страницы региональных издательств, библиотек, клубов, литературных журналов, литературных сайтов;

ЗДЕСЬ В СТИХАХ И ПРОЗЕ – библиотечка текстов, написанных современными авторами и писателями прошлого об этом крае (полностью или во фрагментах).

Очень существенным, учитывая школьную аудиторию, становится следующее замечание редакторов: «Определение «новая» включено в название проекта не случайно: наша цель – будущее русской литературы. Отсюда и внимание к авторам младшего поколения (в частности, к лауреатам премии «Дебют»), занимающим на сайте полноправное место рядом со своими старшими коллегами, и студийный подпроект. Задачи карты – в первую очередь информационные, но и рекомендательные: ростки будущего, пробивающиеся тут и там среди многоцветья настоящего, – вот то, на чем кураторы сайта в меру своего разума будут делать акцент».

Другой сегмент Сети, который может быть интересен школьникам, – это различные формы информации о литературных новинках. Например, *Живая библиотека* (LiveLib.ru <https://www.livelib.ru>), в которой можно познакомиться с книжными новинками и их любителями. В ней несколько сервисов:

- рекомендательный сервис (самая большая в рунете коллекция рецензий, где можно создать тематическую подборку книг, составить биографию любимого писателя, получить рекомендацию, почитать отзывы о книгах, узнать рейтинг лучших книг года или месяца по мнению самих читателей);

- дневник читателя онлайн LiveLib.ru (ваша личная библиотека. С нашей помощью вы всегда сможете вспомнить, что читали в прошлом году, какие цитаты понравились вам больше всего, поведать миру собственное мнение в формате отзыва, рецензии или блога);

- сообщество читателей книг (сервис для общения. Здесь можно найти единомышленников, которым нравятся ваши любимые книги; узнать, какие новинки сегодня на слуху; обсудить классику, которая никогда не выходит из моды; пообщаться на любые темы на книжном форуме).

Книжным новинкам посвящено множество различных блогов; очень быстро развивается booktube, где, правда, пока большая активность принадлежит девушкам¹¹. Активно обновляется лента новостей на сайте с выразительным названием **«СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СУЩЕСТВУЕТ!!!»** (<http://www.litnet.ru>). Однако качество публикуемых там материалов не всегда отвечает профессиональным ожиданиям.

Продуманный выбор книг предлагают сайты различных литературных премий. Литературная премия – один из самых актуальных механизмов литературного процесса, поскольку помогает читателям ориентироваться на книжном рынке, объединяя их в широкие сообщества. Значение таких сообществ в современном мире очень велико. Как справедливо писал О. Аронсон, «сегодня ситуация такова, что невозможно создавать произведения просто так, в художественной наивности авторства. И не потому, что была какая-то история искусства, а потому, что сегодня знаки чтения произведений сами по себе не имеют никакого смысла. Имеет смысл та коммуникативная среда, благодаря которой эти произведения получают свой статус, продлевая уже не столько существование искусства, сколько его возможность участвовать в неотчужденном бытии, в бытии-с-другими»¹².

Именно количество (более 100), разнообразие и популярность премий и сообществ подтверждает востребованность литературы современностью. Помимо знаменитой Нобелевской премии в области литературы, лауреатами которой становились И.А. Бунин, А.И. Солженицын, М.А. Шолохов, И.А. Бродский, С.А. Алексиевич, существуют национальные литературные премии. Информацию о них легко почерпнуть в Интернете; приведу лишь самые известные, знание о которых дают право человеку называться образованным.

Премия **«Русский Букер»** (<http://www.russianbooker.org>), первая негосударственная премия в России после 1917 г., присуждается с 1992 года за лучший роман года на русском языке. Она претендует на репутацию самой престижной литературной премии страны и имеет целью привлечь внимание читающей публики к серьезной прозе, обеспечить коммерческий успех книг, утверждающих традиционную для русской литературы гуманистическую систему ценностей.

«Русский Букер» – аналог самой престижной книжной премии Великобритании. Инициатором ее создания в России был сэр Майкл Кейн (MichaelCaine), возглавлявший компанию Booker plc и учрежденную ею в 1969 году для Англии, стран Содружества и Ирландии Букеровскую премию. Ее лауреатами становились самые известные в мире авторы: Айрис Мердок, Уильям Голдинг, Салман Рушди, Бен Окри, Кадзуо Ишигуро, Грэм Свифт: Интересно, что название премии, вопреки ожиданию, никак не связано с книгой - book. Она называется по фамилии братьев Букер, основавших 200 лет назад в Ливерпуле торговую компанию Букер.

¹¹ См., например, Теория большого чтения <https://www.youtube.com/channel/UCIR00gi1pCDT7hPuTDWNyVvA>, ulielie (<https://www.youtube.com/user/ulielie>), Книжный Маньяк (https://www.youtube.com/channel/UCaCQ_PDb959puxiy5ZwQdFA)

¹² Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д., Жибуль В.Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 674 с. С. 74.

Еще одна русская премия – **«Национальный бестселлер»** (<http://www.natsbest.ru/nb+zhzh.htm>). Она отличается от Русского Букера большей демократичностью, поскольку правом номинировать книги на эту премию пользуются не только фигуранты официального списка номинаторов, но и пользователи интернет-ресурса LiveJournal. В специально созданном сообществе любой блогер сможет повлиять на формирование длинного и короткого списков премии.

На первом этапе блогеры выдвигают прозаические произведения, созданные на русском языке и впервые опубликованные в периодике или отдельным изданием в течение года. Лишь 10 произведений, отобранных ими, гарантированно попадают в длинный список премии. Интересно, что с началом работы Большого жюри этой премии в LiveJournal стартует и НацWorst: выборы худшей (=самой переоцененной) книги года, по мнению ЖЖ-пользователей.

Третья премия – Национальная литературная премия **«Большая книга»** (<http://www.bigbook.ru>). Она учреждена с целью поиска и поощрения авторов литературных произведений, способных внести существенный вклад в художественную культуру России, повышения социальной значимости современной русской литературы, привлечения к ней читательского и общественного внимания. В жюри этой премии входят представители разных профессиональных сообществ, связанных с искусством, а также журналисты. На соискание премии выдвигаются произведения, написанные на русском языке, и авторские переводы произведений, первоначально написанных на других языках. Ограничений для авторов произведений по возрасту, гражданству, месту жительства и месту опубликования произведений премия не устанавливает. Более того, она может присуждаться и за неопубликованное произведение.

Вероятно, самый интересный факт для школьников – существование в России премии **«Дебют»** (<http://www.pokolenie-debut.ru/news>), которая присуждается молодым авторам (возрастной ценз – 25 лет) и имеет несколько номинаций: «Крупная» и «малая» проза, «Поэзия», «Драматургия», «Фантастика», «Литература для детей», «Юмор в литературе», «Литературная критика и эссеистика», «Киносценарий» и др. Количество номинаций в разные годы составляло от 5 до 7.

Итак, в нашей стране существуют традиционные механизмы развития и популяризации литературы: например, «толстые» журналы¹³ и литературные премии. Наряду с ними активно формируются новые, более современные. Вобретении литературой новых, современных форм существования участвуют очень многие, поскольку люди продолжают быть читателями. Почему бы в это сообщество не включить и школьников?

В заключение этой темы хочется напомнить, что и сама литература уже в разных формах осваивает тему внедрения в жизнь техники. Замечательным примером такой рефлексии стала подростковая повесть А. Жвалевского «Время всегда хорошее» (2009), в которой шестиклассники из 1980-го и 2020-го годов меняются временами. Автор прекрасно передал психологические различия между ребятами, объяснимые влиянием гаджетов на сознание. Однако акцент в этой книге делается не на различии, а на сходстве между людьми разных эпох, на их способности понимать друг друга и осваиваться в разных обстоятельствах. Представляется, что руководство школьниками в сфере профессиональных сетевых ресурсов, безусловно, может быть полезным для обеих сторон учебного процесса.

Методические рекомендации:

Возможные проекты по современной литературе:

¹³ Подробней о них можно узнать в электронной библиотеке «Журнальный зал»: <http://magazines.russ.ru>

1. Журнал – традиционная форма объединения пишущих людей (в широком смысле слова) по интересам. Кроме того, это один из видов популярной ныне журналистики, легко и мобильно осваивающий пространство Интернета и использующий технические возможности в области не только словесности, но и разнообразных видов визуальных техник. История знает множество примеров, когда дети сами издавали журнал. Предложите школьникам проект по созданию концепции собственного журнала, сбора материалов для него или даже его издания на площадке школьного сайта. Для подобной работы может оказаться очень полезным знакомство с существующими в Сети журналами.

2. Для различения профессиональных и непрофессиональных высказываний о литературе (реплик на форуме от материалов на сайте) предоставьте ученикам список ресурсов по современной литературе. Его можно вывесить в качестве постоянно обновляемого информационного листка:

Литературный процесс

«Новая литературная карта России»: <http://www.litkarta.ru/about/>

Живая библиотека LiveLib.ru <https://www.livelib.ru>

Журналы

Журнальный зал: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/ko18.html

«Дети Ра» <http://www.detira.ru>.

TextOnly <http://textonly.ru/titlePage/>

«Воздух» (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh>)

Премии

«Русский Букер»: <http://www.russianbooker.org>

«Большая книга»: <http://www.bigbook.ru>.

«Национальный бестселлер»: <http://www.natsbest.ru/nb+zhzh.htm>

Независимая премия «Дебют»: <http://www.pokolenie-debut.ru>

3. «Советую прочитать». Предложите ученикам рассказать о новой книге, которую они прочли, и выложить соответствующий ролик на YouTube. В качестве примера пусть обратятся к аналогам:

Теория большого
читая <https://www.youtube.com/channel/UCIR00gi1pCDT7hPuTDWNyvA>,

улиелие: <https://www.youtube.com/user/ulielie>,

Книжный Маньяк:
https://www.youtube.com/channel/UCaCQ_PD959puxiy5ZwQdFA.

4. «Литературный календарь». Ученики с определенной периодичностью составляют перечень литературных событий в мире, в России, в регионе. Подобный календарь на стене создает необходимый контекст для разговора о литературе вообще. Тематика сообщений в Календаре не должна ограничиваться юбилеями и годовщинами смерти писателей: в нем может быть информация о новинках литературы, о юбилее книги, о рождении литературного сообщества, любопытные факты из истории литературы. Оценка материалов Календаря производится голосованием учеников разных классов, которые бывают в данной аудитории. По окончании проекта можно собрать все сведения (или наиболее интересные материалы) и представить их обобщенно в электронном или печатном виде.

5. «Литература и Интернет». Описание определенного ресурса, содержащего материалы по современной литературе. Попросите эти ресурсы оценить и описать, после оценки можно решить, включать ли этот ресурс в список для всех. Сложность задания должна заключаться в том, чтобы информация была достоверной, новостной, ресурс может

6. «Литературная премия». Класс делится на 2-3 группы, каждая группа выбирает литературную новинку и представляет ее остальным. Для этого готовится информация об авторе, реклама (в виде буклета, ролика или постера, в зависимости от технических возможностей) и рецензия на произведение. Для составления рецензии можно воспользоваться образцами из журналов или с сайтов. (Например, рецензия на собрание сочинений Рамануджана: <http://ega-math.narod.ru/Rama/Lwood.htm> или на книгу СтигаЛарссона «Девушка с татуировкой дракона» на livelib.ru «15 причин читать книги СтигаЛарссона»: <https://www.livelib.ru/reviews/topmonth>). Из числа учеников выбирается жюри, члены которого должны прочесть все выдвинутые произведения. Подготовка к игре происходит от 2 недель до 2 месяцев. В выделенное время (урок внеклассного чтения, например, в 7-10 классе) все выслушивают выступления каждой группы и голосуют за произведение (кроме своего). Результаты всеобщего голосования (по сути оцениваются выступления, т.е. не произведение) могут учитываться или не учитываться членами жюри. По результатам выступлений подводятся итоги и побеждает одно произведение, рекомендуемое к прочтению всем. Материалы, его рекламирующие, вывешиваются в школе (на сайте).

Список произведений для внеклассного чтения

- Б. Акунин «Внеклассное чтение»
И. Бродский «Урания»
Ю. Буйда «Веселая Гертруда», «Все больше ангелов»
Д. Быков. «Басня»
П. Вайль «Гений места»
М. Веллер. «Легенды Невского проспекта»
Г. Владимов. «Генерал и его армия»
А. Волос. «Недвижимость»
А. Генис. «Довлатов и окрестности»
А. Гладилин «Французская Советская Социалистическая Республика»
А. Гольдштейн. «Прощание с Нарциссом»
С. Довлатов. «Заповедник»
Ю. Дружников. «Русские мифы»
О. Ермаков. «Знак зверя»
А. Жвалевский. «Время всегда хорошее»
А. Жвалевский, Е. Пастернак. «Шекспиру и не снилось!»
Х. ван Зайчик. «Плохих людей нет»
А. В. Иванов. «Географ глобус пропил»
А. Кабаков. «Невозвращенец»
Н. Коржавин. «В соблазнах кровавой эпохи»
А. Маринина «Стилист»
В. Пелевин. «Омон Ра», «Жизнь насекомых»
Л. Петрушевская «Сказка о часах», «Дедушкина картина», «Новые Робинзоны»
Е. Попов. «Прекрасность жизни»
В. Пьецух. «Государственное дитя»
Д. Рубина. «На солнечной стороне улицы», «Вот идет Мессия»
П. Санаев. «Похороните меня за плинтусом»
Г. Семенов. «Жалость»
А. Слаповский. «Первое второе пришествие»
В. Сорокин. «Лед», «Метель»
Т. Толстая. «Сюжет», «Кысь»
Л. Улицкая. «Детство 45-53: а завтра будет счастье»
А. П. Чудаков. «Ложится мгла на хладные ступени»

Заключение

Знакомство школьников с современной литературой необходимо, прежде всего, для формирования представления о непрерывности культурной традиции. Кроме наследования тематических и проблемных узлов, свойственных национальной литературе, писатели сегодняшнего дня вольно и невольно используют в своих творениях поэтологические достижения прошлого. Сравнение описаний и сюжетов классики и современности обнажает преемственность и трансформацию в сфере литературных приемов и помогает увидеть в литературе искусство слова.

В силу ограниченности времени, отпущенного программами на литературу, необходимо продумывать методические способы и приемы, позволяющие протягивать нити от прошлого к современности. Самым простым приемом подобного рода может быть упоминание сегодняшних текстов на уроках по классическим произведениям. Такие упоминания могут быть «проходными», в речи учителя, как бы «кстати», а могут быть представлены в презентации, которая покажет современный контекст классического текста. Возможна и индивидуальная работа с учениками, когда заинтересованные читатели из числа школьников делятся на уроке своими впечатлениями от прочитанной книжной новинки, которая аккуратно «вписана» учителем в тему урока. Чрезвычайно действенным методическим приемом, думается, будет рассказ самого учителя, который выступит в роли читателя и продемонстрирует ученикам свою искреннюю заинтересованность в литературном процессе сегодняшнего дня.

Другой формой внедрения современной литературы в школу являются олимпиады по литературе, на которых детям приходится обращаться к неизвестным им ранее текстам; они-то и могут быть из числа написанных сегодня. В олимпиадах участвуют продвинутые ученики, они уже обладают некоторыми навыками оценки произведений и, встретив интересный текст, как правило, запоминают его и делятся с друзьями. Этого нам и надо!

Есть и другие способы ознакомления школьников с современной литературой. При руководстве проектной деятельностью учеников, при организации внеурочной работы по литературному просвещению, при оформлении класса целесообразно демонстрировать погруженность в современный литературный процесс. Приобщение к нему возможно и в игровых формах, повторяющих на уровне школы актуальные социальные механизмы развития литературы, такие как журнал и премия.

И, наконец, формированию литературного вкуса школьников способствует в большой мере помощь им в ориентации в Сети. Совершенно необходимо, чтобы любой выпускник сегодня знал разницу между хаотичными «сливными» ресурсами Интернета и профессиональными площадками. Он не обязательно станет активным читателем именно их, но знать о том, что они есть, он должен. Называйте их, перечисляйте их, напишите их на стенде, спросите о них самих учеников – и Сеть станет ближе и полезней.

Удачи вам!